

Серия «Серебро Слов»

Сборник рассказов
и стихотворений

СЕРЕБРЯНЫЙ КВАРТЕТ

2

**ЗОЯ ВИДРАК-ШУРЕР
АРСЕНИЙ КРУЧИНИН
СВЕТЛАНА ЛОБОВА
ГАЛИНА САМУСЕНКО**

Программа поддержки авторов
сайта www.tvoynakniga.ru
"ВОСХОЖДЕНИЕ"

СЕРЕБРЯНЫЙ КВАРТЕТ

Сборник рассказов
и стихотворений

Том 2

Коломна
Серебро Слов
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С32

Книга выпущена издательством «Серебро Слов»
по Программе поддержки талантливых авторов
«Восхождение»

Авторы благодарят Сергея Сергеевича Антипова
за помощь в издании этой книги.

Серебряный квартет – 2.

С32 *Сборник рассказов и стихотворений. / [сост. Д.В. Минаев]. – Коломна: Серебро Слов, 2017. – 161,[1] с.: ил.*

ISBN 978-5-906926-06-7

© З. Видрак-Шурер, А. Кручинин,
С. Лобова, Г. Самусенко, 2017

© Минаев Д.В., составление, 2017

© Орлов К.Б., обложка, 2017

© Серебро Слов, 2017

Книга 1

Зоя Видрак-Шурер **ДНЕВНИК ИНСТИТУТКИ.**

ХІХ ВЕК

Зоя Леонидовна Видрак (псевдонимы – Зоя Видрак-Шурер и Зоя Вирер) в настоящий момент – ассистирующий профессор (Assistant Professor) в Нью-Йоркском АСА колледже на факультете компьютерных технологий (ASA College, Division of Computer Technology, New York, USA, www.asa.edu), Магистр технических наук (Master degree in Electrical Engineering).

Написала учебник «Essential UNIX» («Основы Юникса») для класса по операционной системе Юникс в 2007 году; по нему занимаются студенты класса дистанционного обучения с 2007 года по текущий момент. Автор

и соавтор множества методических указаний, инструкций и лабораторных заданий для студентов факультета компьютерных технологий. Мать троих взрослых дочерей.

Серьёзно заниматься поэзией начала в 2010 году.

Стихи публиковались в коллективных сборниках и литературных журналах издательства «Союз писателей», таких как «Союз писателей», «Откровение», «ЛитОгранка», «От имени Любви», «Восторг души», «Любовь и боль моя, Россия», «Шутка ли...», «Слово о собаках» и другие. Также Зоя Видрак-Шурер публиковалась в коллективных сборниках и в альманахах Издательского Дома «Серебро Слов», таких как «Серебряный родник», «Философия жизни», «Литературная мозаика», «Тонкие грани любви», «География жизни», «Серебряный дождь», «Восхождение» и другие.

Опубликованы три сборника стихов издательством «Союз писателей» г. Новокузнецка: «Из памяти – с любовью» (2012 год), «Звуки небесные, вечные странники...» (2014 год) и «Вечерний блюз» (2016 год).

Член МСТС (Международный союз Творческих сил) «Озарение»; член Клуба русских писателей, Нью-Йорк; член Миллбурнского литературного клуба (Millburn Literary Club), Нью-Джерси; член Союза писателей России (МОО СП РФ).

ДНЕВНИК ИНСТИТУТКИ. XIX ВЕК

ЧАСТЬ I. ДНЕВНИК ИНСТИТУТКИ

Мне нравится, что Вы больны не мной,
 Мне... дышится, когда отходит драма,
 День выступает павой из тумана,
 И солнца виден свет над головой.
 Мне нравится, что Вы больны не мной...

Мне нравится... От несплетенья рук
 Не рухнет мир, но возгорятся свечи,
 Луна внесёт покой в уставший вечер,
 Утишит сердца напряжённый стук.
 Мне нравится нечуткость наших рук.

Мне нравится, что звёздные глаза
 Потушит звёзд — реальное — сиянье
 И встреч не будет, как не будет тайны
 Безумия — в безумии — сказать. Мне нравится...

Твои глаза — мои глаза, и что-то важное сказать,
 Но только плещет бирюза волна с волною.
 Слова растаяли вовне, в душе твоей с душой моей
 Сплелись. И эрос подоспел с любви стрелою.
 Скучаю так, что грузен мрак, сдавил, не вырваться никак,
 Часов бездушных тик-и-так, в окошке — воет.
 И выть самой! Бредёт рассвет. Слова растаяли во мне,
 Как бесполезный рыхлый снег.
 Не быть с тобою.

Я Вам отдам малиновый закат,
 Дорожку в серебре от лунной дали,
 И голубой рассвет, и звездопад,
 И аметист с кольцом — хранить в печали.

Отдам цветок заветный и блокнот
И первый поцелуй верну желанный...
Так старый ростовщик приносит долг...
Когда ко мне вернётесь ночью тайной.

Стекает в лужицу вода.

Полна, полней... ручьём, речушкой.
И в землю прячется... года... Года уже не разглядеть.
И засыхают берега, что ограждали нежно душу,
И засыпает берега настилом белым, точно смерть.
В застывшей муфте — холод рук.

Горжетку треплет ветер стылый.
Замёрзших — ржанье — рысаков. Карета тёплая манит.
Рыдван загружен, полн рундук.

Пора, мы расстаёмся, милый,
Дожить у разных берегов. Неважно, что душа скорбит.

...И жизнь пойдёт своим путём,
Как намечали звёзды. Песни,
Наверно, сложатся, и вести
В потоке ветра ли, дождём,
Прибудут, старым почтарём
Ли принесутся стопкой, вместе.
И бесконечный Зодиак
Не прекратит свои круженья,
Король законоуложения:
Жизнь бесконечно строить так,
В небесно-канцелярский стак
Кармические отношенья.
И вырастешь на целый дюйм,
Дюймовочка. Листок скитаний —
Что твой корабль по мирозданию,
Чтоб обрела покой и ум
На старость... Вечность... тугодум,
Во смерть, и жизнь, и воскресанья.

ЧАСТЬ 2. ДНЕВНИК БЫВШЕЙ ИНСТИТУТКИ

Позабывтое вчера обернулось песней.
 Слышу эха шепоток: так шуршит трава.
 Из далёкого вчера звук доносит вести,
 Полутон ли? Полустон? Пение? Слова?
 И стекают ручейком в тонкие ладони.
 Ветер южный залетел и притих у ног.
 Хрупкий, горестный мотив, чьё-то сердце стонет...
 Вспоминается вчера... Льётся ручеёк.

Дворец с придворьем опустел... Жизнь ускоряет шаг...
 Успеть проделать кучу дел, пока не всё — не так.
 На океанском берегу мой затирает след,
 И я по волнам пробегу, пока тайфуна нет.
 А белокрылый альбатрос крыло протянет мне...
 На высоте без долгих слёз растаем — в вышине.
 И, недоступная ветрам за краем ойкумен,
 Испью целительный бальзам для новых перемен.

Моя молитва и моя любовь
 Идут — рука в руке — по краю неба,
 Репей с души сдирая, и от стеба
 Хранят — до рассечения основ...
 Моя молитва и моя любовь...
 Моя молитва и мои стихи —
 Полёты в поднебесье, где открыто
 Парит душа, от буден и от быта —
 Свободна, от сомнений далеки
 Моя молитва и мои стихи...
 Моя молитва... Поцелуй небес...
 И бережны объятья мироздания,
 Второе обретается дыханье...
 Моя молитва...
 Моя любовь...
 Мои стихи...

Бекар подрезал мажор прелюдий...
Стаккато градом хлестнул в лицо...
Мы миром мазаны бранным, люди,
Не нам ли есть похоронный студень,
Порок отцов...

Не нам ли знать и не нам ли ведать,
Где право-лево, Эдемский Сад...
Сыны Адама и дщери Евы...
И неба морщится лоб от гнева...
Змеиный яд...

Змеиный дух — по подкрыльям кожным...
«Или́, Или́! лама́ савахфани́?»*
И — рубиконом — разрыв проложен...
Дошли до точки, где невозможна строка любви...

О, сколько в Вас жестокости... Как больно!
Оборванная жимолость... Прованс...
Провинция... Про Вас гремели строки
Адажио весенним и глубоким...
Мужицкий пляс —
Что пьяного идалго контрданс
На тризне... На пирушке... Смял, потряс,
И этого — довольно!

А кучевые облака застыли, словно на картине...
Был Йом Кипур... И сердце стынет
От неизвестного пока решенья
О тебе в Верхах... В твоей рутине
Возникли ложь, и полуложь,
И полужизнь. Пустая драма
Горгоной вышла из тумана...
Ожог — куда ни повернёшь...

* Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46)

Рвали сердце друг другу... Так рвётся уставшая нить,
и бросали обиду с порога, что кончена жизнь,
разметалась по дому тревога, и не победить
этот мрачный обет.

Агрессивное зло изнуряло... А капельки слёз —
как микстура — казалось, и мнилось, что всё — не всерьёз,
просто холодно стало, а грубость — колючий невроз...
Убеганье от бед.

Но когда леденелое крошево било в лицо,
понималось: не будет хорошего, смерть за крыльцом
затаилась и гостьей непрошеной перед концом
амок шлёт — ярый зверь.

Рвали сердце друг другу... когда на пороге — весна
и тепло — как подруга, копытами бьёт Росинант,
где заслугою — преданность Санчо,
любовь — как талант —
в избежанье потерь.

Как сон, прейдут земля и небо,
Моря и реки схлынут вспять...
За горизонт, где был и небыль,
Уйду опять.
Уйду... Как в плащ окутав душу
От мелких, суетных забот.
И стук сердец не стану слушать...
Как сон — прейдёт.
Прейдёт... Пройдёт... За поворотом —
Тропа певуча... Сделать шаг...
Ещё один... Вселенной ноты...
Спектакль — аншлаг...
Здесь — в Царство путь... Желанный самый...
Обитель духа... Звёздный блюз...
Объяты ангелов — бальзамом
От бранных уз...

Ты всё время мне делаешь больно — что за смак?
Твоё сердце легко и довольно? Видно — так.
От жестокости грубой хмелею, пью вино.
Заливать только — жаль — не умею... всё — равно...
Заметёт и пургою накроет этот блеф.
Разбежались... Не стали судьбою... омертвев...

...А дождь смывает все следы:
И перекрёстные дорожки,
И параллельные, где ты
Уйдёшь с дождём в дождя обложку,
Как в книгу...
Будет ветер дуть, раскидывать твои страницы...
Их соберёшь — когда-нибудь...
Авось... Зимою... Пригодится...
Зажжёшь камин, растопишь печь,
Наваришь в турке крепкий кофе
И будешь долго-долго жечь
Воспоминаний горький профиль...

И день пройдёт, и лето пролетит
Одною связкой, и потянут годы,
Пока не отойдут сомнений воды,
Изменится a la can can мотив
На тёплый стих.
Так катятся мгновенья не спеша,
Стекая в половодье жизни, реку,
Где умудреет сердце человека
И вечная... Душа...

ЧАСТЬ 3. НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИК

Прочитываю нашу жизнь
 В страницах старого романа...
 На чердаке пылился... Странно,
 Но оживает каждый лист.
 И я с утра его ищу...
 Найду знакомый день и строчку...
 И сердце рвётся в плаче — очень,
 Аккомпанируя дождю...

Время заплетается в «не верю»,
 Точно Станиславский подошёл,
 Разложил по полочкам... Потерю...
 С увереньем: «Будет — хорошо»...
 И клубочек снова закрутился,
 Продолжая начатый спектакль...
 Кто-то на галёрке удивился...
 Интермеццо вставили, как встарь.
 Где-то там чеширская улыбка,
 Мурр обыкновенный, без кота...
 Авансцена: двое у калитки...
 Да «Не верю!» — песенка проста...

Мне надоело ссориться — вовсе...
 Был серый день... Ты меня послал...
 За папирсой... В мокрую осень,
 И я ушла... Прямо на вокзал.
 Там поездов задыхались глотки
 И чемоданов сновала прыть,
 А дождь — что голос твой — нудной сводкой —
 Хлестал без продыха... Волком выть...
 Был вечер, утро... Брели рассветы,
 Дожди и сумрак — без перемен.
 Ты, верно, ждал: я куплю конфеты, —
 Забыв: я в осень ушла совсем.

Какое счастье: Этот ты — не ТЫ,
Пролёт мечты из юности — и только.
Да зазвучат фламенко, вальсы, польки!
Адьё! И мусор — вон из головы!
Порок — к пороку, и к вранью — враньё,
Ты — Казанова в новом исполнении,
И в жизни даже круче, чем на сцене...
Какое счастье: это — не моё!
Тогда — казалось (верно, был туман):
Ты — милота и нараспашку сердце,
А нынче — столько лжи за скрытой дверцей...
Но без труда читается обман...
Помилуй Бог — в бреду ли, сполупьяну —
Быть даже буквой твоего романа...

Когда напьётся тишина
предутренним рассветным соком,
Я к вам приду — во сне глубоком,
Коснусь нахмуренного лба,
И складки — древние — морщин
Расправлю, и отдёрну шторы,
А паутинный след раздоров
Сниму губами — с губ. И сплин
Исчезнет. Ветер голубой
Качаться станет в занавеске...
А я в знакомом перелеске растаю.
Стану тишиной.

Любимые глаза так далеки...
А ты, как попугай, долдонишь имя...
И что с того? Призывами твоими
Не сдвинутся Эльбрус, материки...
Эклиптика не дрогнет. И тоски
Завал не гинет.

За гладью моря видится утёс,
Где царство незабвенного Салтана,
И кажется, там — Кот Баюн. И — драма:
Цепями скован, навсегда прирос.
Так сказка завершается. Всерьёз. Как телеграмма...

Хотелось просто плакать. Ни о чём.
И сразу обо всём. Помимо воли.
Что жизнь мелькнула солнечным лучом
И вот — уже закатное раздолье.
О том, что отыграл весенний блюз,
С собою унося поток желаний
Несбывшихся, но крепок наш союз —
Семейных уз — почётной датой давней.
О том, что время — наперекосьяк —
Какой пустяк! — мешает зной и слякоть.
А в остальном... Ну, что ещё не так?
Всё хорошо. Хотелось просто плакать.

И снова этот город снится мне:
Знакомые бульвары, крепость, башни,
Он — призрачный пришелец... День вчерашний,
И тает в обступившей тишине...
А снег сметает осени шаги...
Они легки, и зыбки, и туманны...
Их укрывает шалью чужестранной...
И сумерек колеблются круги...
Знакомый город... Станный, странный сон...
Он миражом врастает в сердце ночи...
И больно отчего-то, больно очень...
Он есть... И нет его во тьме времён...

В окне повис тягучий дождь,
как знамя пирровой победы...
Уйди, победы не изведав...
Твоя планида — дождь и ложь,
и ты когда-нибудь — поймёшь...
И ты когда-нибудь — уйдёшь...
Дождю подыгрывая следом...

Меня там больше нет отныне...
«Где стол был яств, там гроб стоит», —
Известный говорил пиит,
А я спешу к своей рутине.
Рисую дождь карандашом:
Где штрих к штриху — порывы ветра
Графитом намалюю. В недрах
Тех пропадёт и дым, и дом,
И скатерть с белым молоком...
И даже я сама, наверно.

Бог мой, как я тебя любила!
Как будто детства благодать,
В саду дорожку проложила
И повернула время вспять.
И отчего? Бывает, верно,
В судьбе укромный уголок,
Забывтой брошенной каверной
На перепутице дорог...

И смех, и грех... Твоё кривлянье,
И шутовство, и грубый пыл
Убили всё очарованье.
А проще — ты любовь убил.
Она валяется бескрылой
В канаве грязной. Быть бомжом
Тебе судьба определила,
И сказка кончилась на том...

Люблю, люблю... Поёт шансон,
Как надоевший патефон,
Заезженный... Сломался он,
Скребёт игла, противен тон...

Давно бы выбросить пора
 Под электронное «ура»,
 Чтоб ликовала детвора...
 Но «Et si tu n'existais pas»*
 Его тоскливая игра...

И не понять, и не заметить,
 Где начинается фигляр,
 Кромсая искренности речи
 И доброты душевной шарм...
 Летит по небу шарик синий лазоревкою расписной...
 Кантату звёздную Россини уносит дождик проливной...

ЧАСТЬ 4. ДНЕВНИК «НЕЗАКОНЧЕННЫЙ»...

Сиамские близнецы

Мы прощаемся каждый день,
 Мы прощаемся ночь за ночью,
 Нам часов не хватает очень,
 Мы прощаемся мукой всей,
 За которой — годов стена
 И чужих простыней постели...
 Мы срастаемся: тело в теле,
 И не делится два на два.
 И не делятся день и ночь,
 Суть — сиамские мы уроды...
 Как прожить даже час... А годы?
 И аорты сердечной корчь...

* «Et si tu n'existais pas» — если бы не было тебя (франц)

До отлёта

А автобус ревёт, ревёт
На последнем рывке: прощай.
Мне хоромы не обещавай,
Звёздный перстень сбежит под лёд.
Мне б от грохота суеты,
От машинных гудков — покой...
Мне Эльбрус помахал рукой,
Значит, будем торить мосты.
Я обычна, да яростна Свет,
Небо глажу одной рукой...
Не сердись, рождена такой:
Я летаю сквозь толщу лет...
Дай автобусу дореветь,
До отлёта остался шаг...
Отпускай меня, друг мой — враг,
Кот Чеширский / актёр / медведь...

Играем судьбами

Играем судьбами друг друга —
Жонглёры в ринге ловят мяч,
А не поймал — так плачь не плачь,
И постромки срываем грубо.
Мол — не запряг, давай катись...
Под гору катится телега —
Сама, и вишнями по снегу
Ложатся капли крови. Жизнь.
И ничего не изменить.
И не решается задача...
И чей-то голос бьётся в плаче...
И гиричка в ходиках дрожит...

Из инструкции для унижаемых...

Судьба такая: пряник, то калач,
 То розга — и попробуй не сломаться,
 Где мачехою — жизнь, а дюжи братцы
 Жар-птицу ищут за морем. Не плачь.
 Не плачь, что одинока день и час,
 Что лезут за забор медведи, волки,
 И — научиться метко из двустволки
 Непрошенных гостей гонять, как ас!
 Не плакать в унижении! Не стыд,
 Когда ведут тебя на Площадь Красну
 Преступницей. Им весело? Напрасно!
 Смеяться будет тот, кто победит!
 Ах, что вы приуныли, господа?
 Пряма дорога в Ад и так широка...
 Привстаньте на колено пред убогим,
 Горе имея сердце*. Только так.

За окном — Венский вальс

За окном — Венский вальс осенний,
 Серебрятся берёз стволы.
 Ритмы осени — к перемене,
 В мир морозной зимы, где — ты,
 Но холодным потоком странствий
 Обожжёт и виски, и грудь.
 В голубом — осень — кружит — царстве,
 И выводят дожди «забудь».
 За окном бабье лето страстно
 Собирает в букет цветы...
 Всё, что пройдено, — не напрасно...
 Но... поёт Венский вальс: не ты...

* Горé имея сердца — на Гору Божию, к Богу (из православной литургии).

Фантомы

А ноты, словно духов лики, тени
Ушедшего, бредут по потолку,
И я за ними робко — шаг к шажку,
Раскладываю соло песнопений.
И оживают дни на нотном стане:
У каждой тени ария своя,
И партитура пишется, где я
Одна сижу в кругу воспоминаний.
Адажио пластическая поступь,
Браслет жемчужный из ушедших дней,
Звучание то глуше, то сильней,
Фантомна боль... в ладонях — звуков россыпь.

Вечером

Только что поезд прошёл... Ветром колеблется шёлк
На занавесках в окне. Чудится мне
Гулкий шмелиный басок, Гибкий кивает цветок,
Солнечный блеск на окне. Ваза — в огне...
Августа первый закат... Тих пеламутровый сад...
Ветром колеблется шёлк... Поезд ушёл

...Кто сказал

Кто сказал: не сбывается строчек прозрачная вязь?
Кто сказал, что сгущается мрак, где трагедии власть?
Кто сказал, что безрадостна ночь и бессмысленно утро?
Кто сказал, что мечта — это лучик в толпе облаков?
Кто сказал: не изменится к лучшему... песня без слов,
И бездарно прожитые дни — след от вымерших зубров...
И ничто собирает ничто в безразмерный бассейн.
Пустота порождает пустот чёрно-дырочный плен...
Но смеётся лукаво Вселенной недреманно Око:
Ты — творец, так дерзай и твори в благодати плодов,
Приумножишь таланты и мудрость, добро и любовь,
И изменится жизни убогость: Рассвет у порога...

Бездомная

Ты забыл: я ушла совсем.
 Осень съёжила сны и душу.
 На перильце вокзальном съем
 То, что мне положил покушать.
 Ты — заботлив. Унывен дождь.
 Оголённости нервов — пытка.
 Всё — актёрство: желанья, ложь...
 Как красив фотошоп открытки.
 Мне не холодно под дождём,
 Хоть на сердце — живая рана.
 Кто-то выжег её огнём.
 Боль фантомна, а я — устала.
 Мне б подальше от людей,
 Блудной кошкой, больной собакой...
 Есть ли добрый кто в жизни сей?
 Всё... Покой... Я устала...
 Плакать...

Ом...

Ом, Аум, Омен, Аминь...

Я бреду, напевая «Ом»...
 Соловьёв удивляя вид,
 И гитара соседа спит.
 Струн вибраций — вселенский тон.
 Я иду, головою ввысь,
 Я бреду, не боясь упасть.
 Меня держит вселенной власть,
 Звук напевный, без мысли — мысль.
 Я лечу. Под моим окном
 Кружит город в своём кольце.
 Лунный свет — этой ночи цвет.
 Я парю, и уносит «Оммм»...

Волны

Из «Найденного Дневника»

Мне — не следовать за тобой,
И твои не вдыхать мне песни —
Фитонциды воды живой...
Вкус нарзана в предгорном месте...
Мне твои не твердить стихи,
Мне твои не хранить букеты...
Тонут звёзды на дне реки,
Увлекая венки сонетов...
Мне твоих не носить детей,
Не купаться в твоих ладонях,
Не быть смыслом прожитых дней,
Не быть будущею истомой...
Не коснуться души твоей...
И в твоём не согреться сердце...
Волны катятся по судьбе...
И от них никуда не деться...

Она не плакала

Она не плакала. Зачем?
Сидела молча у окошка.
Снег пролагал свою дорожку,
Суля избыток перемен. Его рефрен
Казался вечен, как Земля,
Как новый день, укрытый белым.
И снега шаль плелась умело...
Мир серебра — для счастья, для...
«Она — моя...» —
Шептал предутренний мираж,
«Она — моя», — шептало небо...
Внимая, улетала следом,
Как самолёт входил в вираж...

А в голубом конверте...

А в голубом конверте — прошлый век,
 Скорее — позапрошлый. Резкий почерк.
 Как будто страхом бьёт от кратких строчек...
 Агония ли — авторский пробег?
 Пробег? Побег? К себе ли самому?
 Вулкана взрыв? Приказ ли? Заклинанье?
 Безумие? Отчаянье? Терзанье?
 Бледны чернила в подписном углу...
 Темно в глазах. Как рыба из воды —
 Хватаешь жадно воздух. По странице —
 Живая кровь... Как слёзы сквозь ресницы...
 Лицо меж строк — что Брайля код судьбы.

Без шансов

Там синий лён поёт... Под покрывалом —
 синеющий задумчивый закат.
 С тобою мне столетий не хватало,
 теперь я даже взгляду буду рад.
 Но ты уходишь в голубую дымку
 и не зовёшь в прощанье за собой...
 Арому помнить стану, и улыбку,
 и шхуны разлучающей отбой.
 Тебе бы посвятил я сто романсов,
 в моих кистях мир узнавал тебя...
 Но тает сон, не оставляя шансов...
 Густеет волн синеющий закат...

Я выдержу

Я выдержу, когда уйдёт любовь
 и спрячется за дальнею ложбиной,
 Поднимется над ней цветок невинный, таинственный
 пришелец из снегов... Я выдержу, когда уйдёт любовь...
 Я выдержу, я вынесу, смогу,
 когда ты не придёшь и иней — в луже...

Тепло наступит... И совсем простужен
окажется ледок на берегу.
Я выдержу, я вынесу, смогу...
Я выдержу... И я дождусь весны...
Припомню нежных губ твоих касанье...
Я оживу весной с её дыханьем...
Как птицы-оригами — с высоты
опустятся твоих поэм листы
Молитвенною тайной... В них будешь ты...

Магия любви

Темнота не мешала нисколько, и только вдали
Догорал лентой скупобордовой притихший закат.
Волны мерно ласкались у ступней распаренных, и
Обожжённый песок отдыхал — как от службы солдат.
Мы стояли так близко, и море лизало ступни,
Точно верный и преданный, добрый и ласковый пёс.
Не устало нисколько, а просто дарило нам миф
О прошедшем и будущем, вечный сокрытый вопрос.
Мы смеялись, не верили, море чертило зигзаг,
Точно слово волшебное, тайное, нам для двоих...
Всё случилось — как мы захотели и море, а знак
Мы сложили и клеили в магию памяти, стих...

Я тебя очень долго ждал

Я тебя очень долго ждал и искал меж побегов лет,
В хоре ангелов пел хорал, я над миром искал ответ.
Я рождался сто тысяч раз,
чтоб — судьбою одной — с тобой,
Отводила взгляд синих глаз, отвечала: чужой, чужой.
За тобою из жизни в жизнь я бежал, торопил успех.
Мне хотелось с тобой прожить хоть единожды на Земле.
Я вздымался под облака, синих звёзд привозил букет,
Моего ты брала врага, для меня оставалось «нет».
Я ни разу не целовал губ твоих, ни твои стопы...
Дымкой лунною тает след незабвенной моей мечты...

ЧАСТЬ 5. О ВЕЧНОМ

Люблю

Мужу

Люблю. Я Вас по-прежнему люблю,
Как будто повернулось время вспять.
Девчонка — я, Вы — юноша опять,
Обратный курс проложен кораблю
В наивность, детскость, первый поцелуй,
Блокнот мой прикроватный и письмо —
От Вас — я перечту сто тысяч раз,
Окошко распахну: люблю, люблю!!!
Смешно и грустно: сколько лет прошло!
И внуки на подходе у детей,
А жизнь — всё хороша в душе моей,
Горит хрусталь — Сваровского стекло.
Словечко златорунное «Люблю»,
Лелея, сотни раз проговорю.

Бродяга

И год прошёл, и половина
Как будто матрицей единой.
И тень ложилась на плетень,
Чтоб прорастал такой же день...
Крошились зори сквозь туманы,
День приносил с собой обманы
И странный говор из садов:
Там проповедовал любовь
Пророк, возникший среди ночи,
И исчезал неслышно. Впрочем,
Скорей он был Чеширский Кот
В обличье новом — Бегемот.
Там где-то шлялся Азazelло
В монокле склеенном — без дела.
Лишь не хватало Маргариты

И Мастера.

Как сон забытый
И дошлый, день скользил во мрак,
Бродяга меж других бродяг.

По заветному утру

По заветному утру пройду, по зелёной траве,
Там, где росы свежи и румяны и мягок пробег
По шелковому тёплому берегу, к синей водице.
Я забуду печали и слёзы, мороз на душе,
Я забуду, о чём голосила. Забыла уже.
И взлечу, оторвусь от Земли злато-Фениксом, птицей.
Облечу этот край Ойкумены, где синий простор,
Где Эол с Посейдоном неспешный ведут разговор,
Ненароком присяду, послушаю, мудрою стану.
И опять к человекам — исполнить завет и судьбу.
Научаешься сам — объясни и сынку своему...
По заветному утру пройду по пути к океану...

Кавалер

Обегая последний круг,
Мой подходит маршрут к концу,
Поводырь мой, вечерний друг —
Ветер мягко прильнет к лицу,
Он до дома — за шагом шаг —
Проверяет наличие луж
И ответствен, как старший брат,
И настырен, как честный муж.
И своей головою он
Отвечает за мой успех.
Расстоянье: автобус — дом,
Расстояние — просто — смех.
Мой подходит маршрут к концу,
Дома — ярко горит торшер.
Снова ветер прильнёт к лицу,
И до завтра, мой кавалер.

Всё — обман

Ветры смолкли, лишь солнце село,
ожидавая вечерний блюз.
От жары притомилось тело.
— Я вернусь, —
Он сказал. Замерцали звёзды.
— Обещал, — подтвердил туман.
Всё когда-то казалось просто,
но — обман.
Всё — обман, и душа, и мысли...
Потемнело небес пятно...
Годы смяли простые числа
так давно...

Уткнуться в белокрылое плечо

Уткнуться в белокрылое плечо
Девчонкой-малолеткой... Слёзы, слёзы,
Не выплаканные за жизнь... Вопросы...
Реветь, не думать больше ни о чём.
И в ласке утешительной тонуть...
Беззвучное иных миров касанье,
Общение с невыразимой тайной.
Мой Ангел, дух и жизнь, подскажет суть.
И доверять, что мой шальной кульбит
Страховкой обеспечен и надёжен...
Страховщик начеку, и всё возможно,
Когда Покров незыблемый хранит.
Уткнуться в белокрылое плечо
Девчонкой-малолеткой...

Безмолвие

А несказанные слова —
Снежинок поцелуем словно —
Ложатся медленно и томно
Прозрачной вязью на дома.
Весь город — в блеске паутин,
Не видимых простому люду,
Но серебром сверкает чудно
У незашторенных гардин,
Где двое — рядом — у окна,
Рука — в руке... Тепло в ладонях...
Романс безмолвный — сердце стонет,
И тают снега кружева...

Вот — жизнь

Вот — жизнь... Весна снимает свой наряд
И вешает на старенькой скамейке...
Дождями лето смыто... В телогрейке
Бредёт босая осень наугад.
Ей холодно от близости зимы,
А может — одиночество снедает.
Она бредёт больная и седая,
В юродстве нет ни игр, ни красоты.
Деревья сторонятся. Род людской
Привык к её кривляньям неуклюжим
И к посоху. Бредёт себе по лужам,
Клочки одежд теряя за спиной,
Кусками — жизнь. Котомка тяжела,
Её бросает вольно на скамейку,
Где (как давно?) девчонкой-канарейкой
Весенне-детский свой наряд сняла.

ЧАСТЬ 6. СЛУШАЯ «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»

Я придумала

Я себе придумала жизнь,
 Положила стыть за окном,
 Отсекала «бысть» от «не бысть»
 Острым ножом.
 Я себе придумала путь...
 Серпантин, струящийся вверх,
 Не осилить и не свернуть...
 Слезы да смех.
 Я себе придумала миф
 И сказаний древний сюжет...
 Там, где чайки бьются о клиф,
 Плачет поэт...
 Я себе придумала жизнь,
 Я себе придумала путь...
 Я себе придумала миф...
 Сбылись бы чуть...

Слушая «Голубой Дунай» Штрауса

И музыка... И музыка опять...
 Заплаканной душой к душе Вселенной
 Припасть. И наслаждение принять,
 И впитывать, спасаясь постепенно
 От буден, где терзающая грязь,
 От яда мрака — жалящей гадюки,
 В падении — застыть, и — не упасть...
 «Дунайских волн» чарующие звуки...
 В голубизны — окутавшись — муар,
 Парить над суетой, над сутью брэнной...
 В ладошке малыша — воздушный шар...
 Дунайских волн объятие нетленно...

Урок живописи

Я разложу холодные тона
И стану рисовать порывы ветра:
Вот клён согнулся, дуб, и стонет верба.
В потугах многоснежная зима.

И будет вихрем голову кружить,
Метель запляшет, зашаманит буйно.
Оскалы масок под незримый бубен,
И снежный дух, взывая, ворожит...

Я разложу пастельные тона
И стану рисовать приморский город,
Согретый и обласканный. Пригорок,
С которого спускается Весна.

Направо глянет — зацветёт сирень,
Налево — зазвенят ручьи и птицы.
Сияние — восторг — из-под ресниц, и
Бездумного веселья красотень.

Смешаю краски... Осени канва...
Я где-то пропустила яркость лета,
Мой тёплый дом, дыханьем двух согретый,
И шум детей... Кружится голова...

Я долго буду, изумляя кисть,
Вдыхать палитры дух, а в каждой точке
Припомню абрис, штрих и гаммой строчек
Гармонию внесу в тетрадный лист.

Пишу себе в тетрадку

Пишу себе в тетрадку: нечет... чёт,
 И так — за годом год,
 А строчки в столбик
 Растут и, что-то главное исполнив,
 Летят за Солнцем следом, на Восход.
 И тает каллиграфия моя,
 Её почти невидимы страницы
 За горизонтом. Тёмный лес приснится,
 Обрыв и скалы — острые края.
 Мой первый вальс... И мой извечный вальс —
 В ладонях неба. Робкое желанье —
 И в окруженье ангельских сияний:
 Мой дом, мой быт, и небо нянчит нас...
 Там восхождений ломкий переход,
 Один, ещё один... И шаг за шагом
 Почти вслепую... Чьи-то крылья рядом...
 Пишу в тетрадку в столбик: нечет... Чёт...

И был, и небыль

И нет на дереве листа, чтоб не стояли письма —
 Смешные наши имена, равно... Задача...
 Я вспоминаю эти дни
 Частичкой детства, где они?
 И звёзд волшебные огни?
 И сердце плачет.
 Ах, этот город у реки,
 Он на волнах носил стихи,
 Твоей рукой моей руки
 Касалось небо.
 Любви зачало — здесь и так,
 И каждый жест — волшебный знак,
 И магия, и россыпь благ,
 И был, и небыль.

Путь мечты

Мечта гуляла по годам,
Она была чудачкою:
Цветы рассаживая там,
Пустынь стирая след.
А после — грошики брала
Немереной заначкою,
Даря фонтанам и прудам
Для встреч — сквозь толщу лет.
Но годы клеила судьба
Суровой липкой лентою,
Чтоб ни зазора, ни щели!
Ни воздуха хлебнуть.
И разлетались поезда
В туманы утомленные,
А в скверах — дворники мели,
Мечты стирая путь.

А небо плыло

А небо плыло не спеша,
Раскинув облака крылами,
Над речкой, домом с пирогами,
Дворцом — песочным — малыша...
А небо плыло... И ему
Кивали яблони и ели,
Неслись с восторгом птичьей трели.
Прохожий дед поднял главу...
А небо плыло... Летний день
Топился, словно кринка в печке,
Мальчишки, накупавшись в речке,
Разморенно притихли... Лен...
И тишь вечерняя сошла,
Как королева после бала,
Склонила голову устало
Под кров небесного крыла...

А вечер замер...

А вечер замер у реки
 Послушать плеск её дыханья,
 Травы усталой бормотанье,
 На облаках писать стихи
 Полез... Небесный взяв блокнот,
 На сеновал упал духмяный...
 Напуганный соседством странным,
 Стремглав умчался рыжий кот...
 А вечер стал писать закат
 И перламутровые дали,
 Где золотистой масти шалой —
 Арабских скакунов отряд...
 Покой скатился на поля,
 На рощи, сизые долины...
 Тишком вздохнул рожок старинный...
 Зажглась вечерняя заря...

Река судьбы

Срывая календарные листы,
 Прессует время лет густой туман,
 Скрывая недописанный роман
 И прошлого — ушедшего — мечты от суеты.

И бьют года массив гранитных скал,
 Прокладывая тропку меж кручин,
 Колеблется небесный балдахин,
 Дождями орошая жизни зал.
 Звучит хорал,

Где чаек скорбен чант над головой...
 И чьё-то соло... Зов издалека...
 Тускнеет контур временных лекал...
 Мгновение, текущее рекой...
 Твоей судьбой...

Унесённые ветром

Унесённые ветром. Ах, если и знал бы — куда...
Унесённые за горизонт люди, мысли, года,
За предел Ойкумены, где жизни тома-фолианты
Собираются в странную летопись дней и ночей,
Бортовые журналы и mileage* твоих кораблей,
А быть может, ковчега, в который случайно попал ты.

Унесённая ветром такая короткая жизнь.
Дом построил и вырастил куст и детей.
Славно! Please**,
Не горюй, ты на минимум сдал —
и, возможно, в порядке.
Отчего же досада на сердце? Где мудрость твоя?
Улетела туда, за ветрами, в иные края,
Где тома твоей жизни — ненужные в общем тетрадки.

Коллаж

Я отпускала боль и память, как отпускают голубей.
Летите, кыш! В простор и замять, мороз и снег.
И не жалея
Ни воркований голубиных, ни позабытых ясных глаз,
Любовью-смертью — не едины,
и жизнь не одарила нас
Сияньем страз.
И будут лунные портреты на звёздной пыли...
Вернисаж,
Анфас и профиль...
Силуэты мелькнут под зимний эпатаж
И позабытые сюжеты снегами выложат... Мираж...
Таков коллаж.

* mileage (англ) - пробег в милях

** Please (англ) — пожалуйста

Без помех...

Я забуду в конце концов
Голос твой, и глаза, улыбку,
В чутком сердце затихнут скрипки,
Зал закроют на сто замков.
Сны... Без снов.

Ты забудешь в конце концов
Географию мест заморских,
Горы встанут в долинах плоских,
Реки выйдут из берегов
От ветров.

Мы забудем в конце концов,
Что когда-то... Горели свечи,
Было шумно, веселья вечер...
Время лечит... Певцов... Творцов...
Мудрецов...

И вселенные свой разбег
Не замедлят. По дальним далям
Разнесут фейерверк... печалей,
Как уносятся свет и смех...
Без помех...

Вечерний блюз

Она составит строчки в столбик,
Ровняя буквенный букет,
Подвинет рифму, чтоб свободней
Ложились «да», сменяя «нет»,
Отдёрнет шторы на окошках,
торшеру доверяя свет,
Как свой «привет».

И будут дни сменять рассветы
И ночь ложиться по краям,
А солнце середины лета
Укатит в боль осенних ям,
Листва осеннее шуршанье
отдаст тугим календарям,
Да видно — зря.

Рассыплются стихи, как карты,
Как несложившийся пасьянс,
Так неудобные плацкарты
Не купят в неурочный час...
А корабли на рейсах дальних
Не смогут лечь на нужный галс...
Огонь погас.

И неудавшиеся строчки
Путь не укажут кораблю,
Букет завянет в вазе, ночи
Поглотят звёзд весенних люкс,
А саксофона звук глубокий
Навеки отыграет блюз
Погасших люстр.

УНИКУМ

ЧАСТЬ I

Он открыл дверь ключом и вошёл, не зажигая свет. Привычным движением скинул ботинки у порога, привычным движением влез в домашне-тапочное тепло. Всё знакомо, всё на своих местах. Тихо.

Тишину он любил. Она всегда была наполнена для него некоей глубиной и тайной, и ему нравилось ловить её мысли. Они витали вокруг него, становясь его собственными, и его вдохновляло это чувство всезнания.

Иногда отсюда приходили стихи и музыка — его стихи, его музыка, — так он называл их, но понимал: они родились из Тишины.

Так же, не зажигая света, прошёл в гостиную, раскинулся удобно по дивану, где уже ждали подушка и плед. Спальню он не любил. В спальне жило Одиночество, и оно угнетало его, оставляя только в те моменты, когда он приходил не один, а это не бывало часто.

Звонок вырвал его из полудрёмы.

— Что? — нервно спросил он в трубку.

— Привет, Санечка! — прозвучало знакомо-вкрадчиво. — Не спишь?

Звонила Катька. Катька, Люська, Любка, Стелка... Сколько их здесь перебивало, уже можно и запутаться, но у него была хорошая память.

— Разбудила, — ответил кратко. — Что надо?

— Понимаешь, Санечка, есть идея побарахтаться вместе. Как ты смотришь?

— Ну и барахтайтесь, я-то при чём? — отвечивал не слишком любезно.

— Понимаешь, Санёк, — Катька старалась придать голосу максимум убедительности, — ты человек взрослый, самостоятельный, а у нас мамы-папы сидят по хатам, — прозвучало почти в рифму, и Катька хихикнула.

— Пошла ты! — он представил предстоящую оргию

в своей квартире, и стало тошно. Не то чтобы он был маленький мальчик и его сбивали с пути истинного. Зава-рушки, и почище предстоящей, бывали у него довольно часто, но... теперь дома не хотелось. Не хотелось ночью, убийственного этого бардака. И потом — после этого долго, долго не приходила Тишина.

— Найдите другую толкучку для свары, и я при-ду, — его совершенно не привлекала перспектива утрен-ней уборки.

— Санечка, мы всё-всё сами уберём! — догадалась Катька. — Ты даже пальчиком своим золотым не шевель-нёшь! И знаешь, Васёк будет, — Катька сегодня была не-умолима и, видимо, решила всеми способами добиться своего.

— Васёк! — вскинулся он. Васёк — уже было серьёз-но. Амбал этот за два с половиной метра роста был... ну как это выразить...

Если бы у Васька было побольше ума и он догадался бы сказать: «Давай, Санька, будем партнёрами всегда», — он бы на шею ему кинулся, не раздумывая. Васёк — единственный из всех, кого он знал и кто знал его, мог вертеть им в буквальном смысле слова на все 360 граду-сов, и он бы только мычал от удовольствия.

— Перезвони мне через полчаса, я подумаю. Не обе-щаю! Ищи пока другие варианты. Не обещаю! — повто-рил он и бросил трубку.

ЧАСТЬ 2

Вопрос, у кого «в хате» производить оргию, или «ба-рахтание», как кто-то придумал это называть, поднимал-ся в их кругу часто: кто-то не мог, у кого-то гости или родители оказывались в ненужный момент в нужном ме-сте. Беспокоило и раздражало не это.

Раздражало то, что когда-то возбуждало и радовало: все свары начинались с него как центра внимания. Его заставляли раздеться первым и разглядывали, кто со ста-рым, привыкшим, кто — с новым, нескрываемым удив-

лением. Его тело не было как у всех. Вернее, он обладал всем, что природа подразумевала, разделяя тела на мужское и женское, а в нём разделить забыла. Он был гермафродитом.

Эта радость всеобщего внимания, когда-то так льстившая самолюбию, давно приелась. Хотелось просто насытить тело сексом до одурения и уйти спать. Получалось же, что он становился катализатором, каждый стремился его ощупать... В общем, когда общий возглас изумления сменялся общим возбуждением, а потом переходил во всеобщее сладострастное исступление, тогда уже становилось неважно, кто с кем, сколько и как.

Но и окончание их «барахтаний» имело свой отработанный ритуал.

Как бы ни было им хорошо, заканчивалось всё фамильярно-покровительственно-насмешливо:

— Санёк-то у нас, а?

— Уникум!

— Санёк-конёк! — радостно родил однажды Васёк сногшибательную фразу, шедевр, лучшее создание за всю свою 50-летнюю жизнь. И кличка прилипла к Саньке, как банный лист, на всю его оставшуюся жизнь.

Он вспомнил, как разозлился на них тогда до озверения. Как чуть ли не пинком под зад вышвырнул из своей кровати полуголых, поослепших от страсти, сцепившихся в одно целое Люську со Стелкой. Как выгнал их — всех! — полунагих за дверь и в полном безумии швырял через окно оставшиеся шмотки.

Он вспомнил, как выл тогда, выл, как побитая собака, как затравленный волк. Выл, как обиженный ребёнок.

— За что? Ну за что это мне?! — кричал он в безмолвное Небо. И бил, бил и царапал сам себе грудь, эти торчащие соски, которым хотелось столько ласки. Бил до посинения, до кровоподтёков...

Вновь звякнул телефон.

— Нет, не у меня! — рявкнул он в трубку, не дожидаясь Каткиного вопроса. — И не звони мне больше, я не приду.

ЧАСТЬ 3

Вечер совершенно скатился в ночь. Полную темноту разбавляло лишь светлое пятно от фонаря на потолке, придавая гостиной некоторую таинственную пикантность. Спать расхотелось совсем.

Он вспомнил, как странно закончилась та ночь.

В дверь позвонили. Ожидая какого-нибудь из своих выгнанных гостей, он, полураздетый и весь в крови, широко распахнул дверь, собираясь врезать что было силы. Размахнулся и... застыл с поднятой рукой. Первое, что он увидел, это огромные глаза незнакомой испуганной женщины.

— Что вам надо? Дверью ошиблись? — он никогда не отличался излишней галантностью, а уж в теперешнем состоянии...

— Здесь кому-то плохо? Кто-то кричал, — быстро проговорила она. — Я медик и могла бы помочь.

— Здесь всем хорошо! — рявкнул он, не слишком вникая в её слова и собираясь закрыть дверь.

— Здесь есть кто-то ещё? Лифт не работает. Я шла пешком и услышала крики. Что это у вас? — спросила она, указывая на кровь на груди.

На его счастье в доме в тот день не работал лифт, и соседка, живущая двумя этажами выше, поднимаясь после ночной смены, услышала его крики.

— Я сбегая к себе, принесу кое-что.

Она вернулась с какими-то примочками и повязками.

Уже залеченный и замотанный повязками, он уснул на диване на её коленях вместо подушки, а рука её мягко лежала на его голове.

Так в его жизнь вошла Оля.

Она появлялась после больничной смены, меняла повязки, иногда заглядывала в холодильник.

Но тут уже Саша возражал: это — моя забота, — и кормил её супчиками собственного изготовления и жареной картошкой с грибами.

Надолго она не задерживалась: дома её ждали мама и 8-летняя дочка.

На вопрос, почему она одна, ответила кратко:

— Мужчины любят удовольствия, а к ответственности за другого готовы только самые сильные и добрые.

Наконец в окно заглянула луна, межзвёздная пришелица. В комнате стало светлее и радостнее, и ему вспомнился вечер, к которому он долго морально готовился.

— Не убегайте, — попросил он Олю тогда после ужина. — Я хочу почитать вам свои стихи и напеть несколько песен.

— А вы пишите? — от удивления большие её глаза стали ещё больше.

Широким жестом он указал на полки с книгами, где на корешках значилось его имя, СиДи-шки с его концертными фотографиями.

Тот вечер удался на славу. Оля оказалась благодарной слушательницей.

— А из-за чего вы так кромсали себя в ту ночь? — поинтересовалась робко.

Разговор затянулся почти до утра. От обычного детства до странного отрочества, когда на теле стало расти всё, что возможно. Походы по врачам, гормональное лечение и несгибаемый этот диагноз: «гермафродит» — как фонарь во лбу.

Насмешки и прямые издевательства детей в пионерских лагерях (туалетах, банях), когда, чтобы не уронить своего достоинства, плёл им о своей уникальности, ибо так оно и было...

Рассказал, как начал заниматься борьбой, накачивал мышцы рук, чтобы смазать впечатление от выступающей груди. И это работало!

Но что было делать с желанием, чтобы его трогали там, где хотелось? Считать себя гомиком? Но и к женщинам тянуло не меньше.

— А разве нельзя найти партнёра/партнёршу, чтобы, зная всё, доставлять друг другу максимум удовольствия? Разве брак не для этого? — Оле этот разговор не был

приятен, но по врачебной своей привычке помогать старалась помочь и здесь.

— Да? — сыронизировал Саша. — А хотите попробовать со мной? Вот вы всё обо мне знаете и как женщина мне симпатичны...

Оля покраснела, как ребёнок, вскочила.

— Звучит как деловое предложение, а не как предложение совместной жизни. Вы меня извините, у меня сегодня дневная смена, хорошо бы ещё и успеть отдохнуть до неё, — она протянула руку. — Удачи вам. Что-то понадобится — заходите.

Дверь за ней закрылась.

— Идиот, — колотил он себя ладонью по лбу, глядя на закрывшуюся дверь, — кретин! Ты совершенно отвык общаться с нормальными женщинами!

Ольга ушла, но остался запах её духов, её медпринадлежности для его перевязок, её голос звучал из Тишины, её улыбка пряталась по углам квартиры. Саша понял, несмотря на всю необычность ситуации, что влюбился в женщину, и это, кажется, впервые.

ЧАСТЬ 4

Но пасовать перед препятствиями он не привык. Раз уж судьба загнала его в тупик собственного тела, он локти драть будет, но выберется.

Луна уже поднялась довольно высоко. Лишь нежная опушка её серебристого платя ещё касалась уголка окна, озаряя гостиную лёгкой улыбкой заезжей иностранки.

Воспоминания об Оле волновали его. Он думал о ней постоянно. Её сердечность и искренность оказались неожиданным глотком живой воды в его мире, пересошем от жажды простой человечности.

Ни с кем и никогда ещё ему не было так легко общаться. Он уже забыл, звал ли его ещё кто-нибудь, кроме неё, Сашей. Для всех знакомых он уже давно и безнадежно был Сашкой, Санькой, Саньком-коньком... Малознакомые чаще говорили Алекс, Александр, иногда

с добавлением отчества...

Уже полгода как захлопнулась за ней дверь, а он так и не удосужился вернуть её. Или боялся?

— Если вам так хорошо с Васьком, — он словно услышал её голос, — значит, вам нужен партнёр-мужчина.

— Да-да, — сказал он улыбающейся в открытое окно Луне. — Вероятно, и так тоже.

Что мог он предложить ей, этой милой женщине, и так повязанной собственными трудностями и проблемами, что мог он дать ей, сорокалетней, в свои заезженные 50? Свою двуполость? Когда и родная мать считала его выродком!

— Да-да, — молчаливо согласился он с мамой, — 50 лет жить выродком и вдруг всё поменять? Да и реально ли это? Вот завтра опять позвонит Катька или Васёк, и... — завертелось старое колесо...

И тут заговорила Тишина. Она так давно уже не звучала в его доме, что он начал позабывать, как это бывает. Он кинулся было к гитаре, ожидая песню, но это было стихотворение, и он старался запомнить:

*Не гордись, что уникальный. Ты такой, как создал Бог.
Ты печалься, что нахален и ведёт тебя — порок.
Тягот каждому — по силе, сила духа нам дана.
То — не повод жить в могиле, через мрак ко Свету — да!
Человеков сера масса?! Сколько праведников в ней!
А с тобой блудит зараза: чёрт из кожи и костей.
Не гордись, что уникальный. Всяк — unique, так создал Бог.
Ты печалься, что нахален и ведёт тебя — порок.*

Он собрался уже отложить гитару, но она словно ожила в его руках, и полилась песня, он только успевал подыгрывать и подпевать:

*И не хочется, нет, не хочется
Ни по горам, ни в степи, не...
Растекается одиночество
По холодной больной земле.*

*И уже не манит гитарное,
От луны закрываешь взгляд,
Ни рассветное, ни пожарное
Не влечёт — жизни как — назад.
Задавила ли старость быдлостью?
Иль шагрени уменьшен клок
До предельной, до жизни малости:
Да не выучен твой урок...*

Песни лились одна за другой. Давно он не чувствовал такого вдохновения. Он схватил на всякий случай блокнот и писал, писал. Чтобы не спугнуть Тишину, свет не включил, а пересел к открытому окну, под светлые струи Луны.

*По синим морям... Переправу я жду и попутный корабль.
Не видно ни слева, ни справа, и время бесценное жаль.
И страшно, себя отвергая, на точку другую Земли
Попасть. Я стою, замерзая, и крылья не греют мои.
Ни чаек плакучих не слушать, ни вскрики больных журавлей.
Лететь! Но насилуют душу пороки из прожитых дней.
Лететь! Да поломаны крылья... Лететь! Не берут Небеса...
И жду. Безнадёжны усилья...
Да застали слёзы глаза.*

Он пел. Давно уже ему не было так хорошо. Просто — хорошо, блаженно...

Чьё-то внимание ощутил он, что заставило его замолчать и выглянуть из окна.

— Оля! — изумился он.

— Да, с дежурства. Вы так хорошо пели, что нельзя было пройти мимо.

— Вы зайдёте? — робко спросил он.

— А я не спугну Тишину? — она стояла, залитая светом Луны, и на губах её играла улыбка.

— Что вы! Это же Тишина привела вас! — и он бросился открывать дверь.

Книга 2

Арсений Кручинин

ПРОСТРАНСТВА

Кручинин Арсений, 39 лет, учитель географии ЧОУ «Лицей Исток» города Иваново. На сайте www.tvoyakniga.ru с 2012 года. В 2013 году в издательстве «Серебро Слов» вышел сборник стихотворений «Свет ночного маяка», в 2015 – роман «Буслаев». Участник нескольких коллективных сборников издательства и конкурсов сайта, в частности, трёх конкурсов «Восхождение». Составитель четырёх коллективных сборников издательства – «География жизни».

Я назвал подборку стихотворений для сборника «Серебряный квартет – 2» – «Пространства». Мы живём в одном большом простран-

стве, которое дробим на более мелкие, связанные с нашим внутренним миром, с событиями в нашей жизни, моментами в истории человечества. И все эти события мы либо насыщаем своими собственными интерпретациями, либо делаем фотографический снимок тех событий и описываем их с точки зрения того момента. Для меня было важно сохранить структуру события: для этого с интересом изучил историю вопроса, связанного с казачеством, творчеством Сергея Есенина, практикой дзэн-буддизма и т. д. Естественно, не обошлось без личного восприятия этих тем – есть здесь и мои собственные умозаключения.

Надеюсь, каждый найдёт в моих «пространствах» нечто своё, что заставит его по-особому относиться к событиям нашей жизни.

Особая благодарность издательству «Серебро Слов» в лице Дениса Минаева и Сергея Антипова, которые верят в меня, во всём поддерживают и создают одно из позитивнейших пространств моей жизни.

С добром, Арсений Кручинин

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Прошлое

Страницы жизни пролистав однажды,
Я осознал безумие своё.
Как часто я менял очаг домашний
На горькое бездушное вино.

Как говорил витиеваты речи,
Выплёскивая в воздух негатив.
Как редко романтические встречи
Заканчивал признанием в любви.

Как фанатично пестовал гордыню,
Не замечая мнения других.
Стрелял в сердца отнюдь не холостыми,
Взбивая пыль близких мостовых.

Как ожидал на дальнем полустанке
Приятное известье услышать.
Как, лёжа на широкой оттоманке,
Не уставал загадочно мечтать.

Сегодня это кажется беспечным.
В душе иная форма бытия.
И прошлое осталось в междуречье,
Смываемое каплями дождя.

Как на свет рождаются поэты

Сергею Антипову

Как на свет рождаются поэты?
Так же, как все люди на земле.
Их задача воспевать в сонетах
Боль и радость, сторонясь клише.

Смысл жизни видеть в перспективе,
Не искать проторенных путей,
Не отождествляться с негативом,
Не увязнуть в ворохе страстей.

Быть поэтом — сложно и прекрасно.
Быть поэтом — каждодневный труд.
Знай, поэт, ты пишешь не напрасно.
Твои строки никогда не лгут.

Бороться и молиться

Как будто круг замкнулся и погасли свечи,
Уходят в никуда земные корабли.
И незаметно поседали все предтечи.
Нас ждёт иной покой в иссушенной степи.

Кругами по воде промчался бульк сомнений,
И небо озарилось тусклым светом дня.
Нам опостылело друг друга слушать мненья —
Двуликий червь закрался в корень бытия.

В плен тлена угодило русское сознание.
Иной императив закрался в естество.
Как будто тайное сбылось предназначенье.
Бес зла грозитя ядовитым веществом.

За оплеухой оплеуху получаем
И привыкаем жить в предчувствии огня.

Мы атом жизни потихоньку расщепляем.
Кроваво-алая виднеется заря.

И промедленье означает поражение.
Готовы ли к такому положению дел?
Невыносимы гордость и предубежденье.
Бороться и молиться — сладостный удел.

Не зря

Линия жизни — судьба иль причуда?
Кто на ладони моей колдовал?
Официант из-за стойки фаст-фуда?
Гений, философ, злодей, шарлатан?

Разбередили забытую рану
И, поглумившись, в экстазе за борт.
Мне ещё рано в обитель nirваны,
Мне ещё нужно узреть горизонт.

Видеть красивые светлые дали,
Грезить о тайне иной бытия.
К травам земным прикоснуться руками,
Знать, что живу в этом мире не зря.

В правде легче жить

За окном мороз минус двадцать пять.
Я пришёл к своим тридцати шести.
Угасает день, на душе печаль,
Но ласкает свет от одной свечи.

Встречу я рассвет, сердце запоёт.
Впереди звенят километры дней.
Всё, что мне не в масть, то уже не в счёт.
Я иду скорей к Родине своей.

И не верю сам, что пришёл таким
Я к тебе, моя ненаглядная.
Ты люби меня до благих седин,
Ты прими моё покаяние.

Мне ответом был перезвон церковей,
Не набатный звон — светлый, радостный.
Убаюкала тишь да гладь полей,
Сон меня сморил дюже сладостный.

За окном моим солнца свет опять.
Я пришёл к своим тридцати шести.
Не угаснет день, не найдёт печаль.
Я нашёл ответ — в правде легче жить.

В ответе

Не убежать, не скрыться от любви,
Не разгадать все тайны мироздания.
Жизнь как безумные мечты Дали,
Сковавшие заблудшее сознание.

На перекрестье тысячи дорог
Необходимо выбрать ту, что надо.
И вот звенит последний наш звонок.
Младая поросль выйдет за ограду.

И полетит в далёкие миры,
Которым несть числа на белом свете.
И жизнь с улыбкой примет дар судьбы —
А мы за счастье жизни все в ответе.

Послушайте

Прикройте веки, пусть приснится красота,
Избавьте душу от назойливых сомнений,
Читайте книги, в них глубокая тоска,
Вникайте в мудрость дерзновенных поколений.

Пройдите ночью по далёким берегам,
Вернитесь тенью необузданных созвездий,
Подайтесь в сети белоснежным облакам,
Сотрите память обезумевших столетий.

Не тратьте время на бездушный эгоизм,
Любите искренне врождённую свободу,
Пылайте ярко, прочь гнетущий пессимизм,
Летите ветром вдоль заснеженных отрогов.

Дышите вольно, пусть грохочут небеса,
Владейте силой, не растроченной веками.
Живите мирно, тихо шепчут голоса,
Лечите сердце вдохновенными стихами.

ТЕНИ СОМНЕНИЙ

Безумие

Этот мир гремучая смесь разноплановых образов,
Суетливых изделий материи, просящих тепла,
Сомневающихся прообразов вечного холода,
Мимикричных умов, ожидающих судного дня,

Взбеленённых потоков словесности о государстве,
Суицидных изгоев, проповедующих порок,
Изощрённых пророков, ведущих к гибели нации,
Бессловесных бастардов, вдыхающих города смог,

Сумасшедших религиозных адептов безверия,
Вдохновенных глашатаев национальных идей,
Одиноких мужчин, излучающих лицемерие,
Феминистски настроенных женщин
с подолом страстей.

Заразиться безумием в этой стране очень просто,
Возбудитель болезни всегда слишком кроток и тих.
Мы мечтаем попасть на красивый и радостный остров,
Получая взамен одинокую мрачную жизнь.

Де-эволюция

Нам улыбаться бы чаще,
Строить воздушные замки,
Но мы живём безучастьем,
У каждого свои рамки.

Перезагрузка системы
Не предусмотрена смыслом.
Это не наши проблемы —
Испорчены гуманизмом.

Редки укоры совести.
Брат на брата срывается.
Горек финал у повести —
Прошлое забывается.

Вырвали душу из тела,
Сердце кровить заставили.
Нас довели до предела
Происки Белокаменной.

Вдарить бы революцией
По бездуховности нашей.
Только вот эволюция
Материального жаждет.

Тени сомнений

Я бежал от людей, потеряв ориентир.
Добровольною ссылкой назвал это бегство.
Я устал быть другим, я теперь дезертир,
Мне претит ваше милое сердцу соседство.

Мне стена показала бесполезность идей,
В этом мире искать смысла жизни не стоит.
В мутном сумраке дней громкий стон площадей
Бесхребетность истории выстрелом гонит.

За стеной отчуждения вольный приют.
Одиночество дышит пронзительно ясно.
Здесь мне птицы волшебные песни поют,
Отдавая природе веселие счастья.

Ночью бродит луна по полям вековым,
Озаря сиянием тени сомнений.
Дождь прольётся, становится воздух живым,
Разорвав частоколы сомнительных мнений.

Мне остаться бы здесь, жить, не зная забот.
Вдохновляться, творить, сомневаться и верить.
Только там, за стеной, ждёт иная юдоль.
Снова ждут пустота и закрытые двери.

Мысли мои

Удивительно не похожи
Друг на друга мысли мои.
Чересчур стали непогожи
Окаянные наши дни.

Забрели в иное пространство,
Перепугались времена.
Жёстко стелет нам государство.
Одиночества чаша полна.

Не понять, откуда берутся
Жажда власти, дешёвый понт.
Наши головы продаются —
Вымирает честной народ.

Как же мы привыкли к халдейству,
Мечем бисер на раз и два.
Твердолобое фарисейство
Слишком многих свело с ума.

Предавать, унижать и грабить
Научили детей своих.
Разучились мы хулиганить
Как «разбойники-старики».

Ветер северный, дуй сильнее,
Прочищай больные мозги.
Не становимся мы умнее,
Так как сами себе враги.

Актуальное

Бросили и забыли
Русскую душу в яме.
Дай же, Господь, нам силы
Выстоять в этой драме.

Запад лютует шибко,
Санкции продлевают.
Видимо, дело зыбко,
Разума не хватает.

«Не погубить Россию», —
Скажут вам все варяги.
Поаккуратней с выей,
Натовские бродяги.

Суровая реальность

А не застать меня врасплох стрелой дурмана.
Глотая пыль дорог, промчался поцелуй.
Душа запуталась в тяжёлых снах обмана,
Судьба шепнула: «Не печалься, не горюй».

Я в книге жизни вижу зло и наважденье,
Читаю повести пропавших городов.
В мой мир врывается забытое влечение,
Стекая током по тоннелям проводов.

Но изменить привычки жизни бесполезно.
Мы не способны вскрыть все тайны бытия.
В открытое окно бродяга-ветер веет,
В вечернем небе собирается гроза.

Суровый взгляд взимает дань за благородство,
Печальный опыт одиночества молчит.
Вникая в сущность безглагольного юродства,
Набатный колокол Печальную звонит.

Измождено тщетой вселенское пространство.
Сомнений призраки прощаться не спешат.
Достало пошлое людское панибратство.
Устала мать ждать возвращения солдат.

Суровая реальность или мир иллюзий?
Какие впереди откроются врата?
Сумеем разрубить щемящий сердце узел,
Наступят новые, иные времена.

Бег времени

Долгих пятнадцать лет шёл я своей тропой,
Не признавая бед, верил, что я живой.
Мерил судьбу рекой, дважды не заходил,
Раны прикрыв рукой, сумерки проходил.

Бредил соцветье трав чашей полной испить.
Волю в кулак собрав, жажду смог утолить.
Не говорил о том, что не врезалось в мозг.
В бой закрывал щитом тело от града розг.

Пестовал урожай в полночь и поутру,
Вкусен был каравай, поданный ко столу.
Долгие лета жить я пожелаю вам,
В сердце тепло хранить, верить своим мечтам.

Был, есть, буду

Я искал ответы на вопросы жизни,
Я писал сонеты, оказался лишним.
Выходил навстречу, воспевал печали.
Я поставил свечку за родные дали.

Я брожу по свету, разгоняю тучи,
Синеоким небом я летать обучен.
Вырываю с корнем золотые пряди.
Проживаю годы в бессловесной рати.

Разольётся светом горемыко-солнце.
Изоплю водицы горнего истока.
Просветлеют мысли, отпадут сомненья.
Я пойду по жизни с красотой весенней.

На рассвете

Мне не даёт уснуть сомнений череда,
Ворочаюсь в безумной полупляске.
Пустила корни в подсознанье пустота,
И время мчит к осознанной развязке.

И белый дым струится в душной тишине.
Оплачен счёт нетривиальной жертвой.
Когда останусь я с собой наедине,
Отправляюсь в дальний путь свирепым ветром.

И мне плевать на бессознательность речей,
Я становлюсь угрюмым мизантропом.

В словах любви таится множество теней,
Влекущих нас к фатальному исходу.

Мне не даёт уснуть сомнений череда.
Я слышу отголоски лихолетья.
Горит на небе одинокая звезда.
Уйдут сомненья дымкой на рассвете.

КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА

Осколки памяти

А день клонился в озеро заката.
И нет причин не прятаться в слезах.
Разорвана последняя рубаха,
Кровавый след на согнутых плечах.

В ту ночь не слышно шумного веселья.
В суровых взглядах боль и пустота.
Скользят по небу мрачные виденья,
Завеса тьмы окутала глаза.

Сидит казак усталый, отрешённый,
Врачует раны верного коня.
В жестоку сечу смертью приглашённый,
Он отстоял родимые поля.

Крест деревянный, братская могила,
Глухой поток молитвенных речей.
Суровая смертельная година,
Осколки памяти тех страшных дней.

Поход

От Москвы до суровой Сибири
Через кряжи Уральских гор
Шли казаков могучие силы
Покорять неприступный Восток.

Их встречали калёные стрелы,
Дух сакральности, топи болот,
Ортодоксы языческой веры,
Солнца юного ранний восход,

Бесконечность земного простора,
Первозданная суть красоты,
Вековые пророчества рока,
Тайны древней звериной тропы.

Шли суровые грозные лица,
Вспоминали родные края.
Как живёт там родная станица?
Как растёт без отцов ребяшня?

Долог путь, атаман дерзновенный,
Выдыхая сибирский оскал,
Гонит в сумраке вихрем свирепым
Приручить горделивый Байкал.

Воды озера шумно вздохнули,
Кони вздыбились, пена у рта.
Боевые знамёна вспорхнули.
Здесь решилась казачья судьба.

Отгремели сибирские марши.
Вновь родимая ждёт сторона.
Переполнена горести чаша.
Жизнь казака — тугая струна.

Плач

Мы устали, мы ждём вас, родные,
Возвращайтесь скорее домой.
Не губите года золотые,
Хватит бредить безумной войной.

Вся станица как мёртвое поле:
Труд не в радость, постель не мягка.
Бродит в душах отчаянно горе,
Одинокая старость близка.

Сердцу тяжело от долгой разлуки,
Волос сед, потускнели глаза.
Нас Господь взял к себе на поруки.
Знаем мы, отступить вам нельзя.

Будем ждать до последнего вздоха,
До последнего будем сильны.
Возвратятся к родным своим крохам
Братья, деды, мужья и сыны.

Мы устали, мы ждём вас, родные.
Возвращайтесь скорее домой.
Зарубцуются швы боевые.
На поля возвратится покой.

Подвиг вольницы

Нас ведёт вперёд атаман лихой,
Закруживши ус, дюже сердится.
Хоронится враг за Урал-рекой.
И схлестнуть клинки, ох, не терпится.

Потекла рекой наша вольница,
Песня звонкая в небесах летит.
Грозно бьёт копытами конница,
Кровь горячая во сердцах бурлит.

Приощерились лица смуглые.
Стрелы вострые по щитам скользят.
Войско ханское, неразумное,
Не иди вперёд, поверни назад.

«Кто с мечом придёт, от него и мрёт!» —
Говорят на Руси православной.
Атаман лихой — басурману чёрт,
Рубит шашкою дюже исправно.

Забурлил Урал, растревожился,
Буйны головы остудил водой.
Казачьи коней не стреножили,
Отдыхать не в масть, завтра снова в бой.

Нас ведёт вперёд атаман лихой,
Закрутивши ус, дюже сердится.
Кружат вороны над Урал-рекой.
Подвиг вольницы ветром стелется.

Судьба казака

Рассвет блестит уральским самоцветом,
Изгиб реки виднеется вдали,
Кончается последний месяц лета,
Курлыкают пугливо журавли,

Ведёт листва таинственные споры,
Питает корни древняя река,
Целебный воздух освежает поры —
Дорога просветления легка.

Казачий дух, возвращённый в этом месте,
Свободен, дерзновенен, горделив.
Взмывая звонкой песней в поднебесье,
Судьба казака птицею парит.

Нет

Бушует пламя, озарив багрянцем небо,
Скрывает ночь своё безумие теней.
Молитва по устам проносится несмело,
Беспечный ветер кружит в танце лебедей.

Огню подобен солнца лик, от века зрячий,
Росою омывается зари восход.
В глазах орлиных виден смерти луч палящий,
Могильным светом хладен черен небосвод.

Усталый опалённый болью лес не ропщет.
Река хранит покой. На дальнем берегу
Бескрайние поля конь без стеснения топчет,
Хозяин вольного укрыт землёй во рву.

На поле брани смерти лик гуляет вволю.
Упитая свежей кровью жаждет острый меч.
Земля, укрывшись саваном, до боли стонет,
Сорвав одежды белые с могучих плеч.

Ручей степной скользнёт неслышно и незримо.
Мелькнёт в тумане дней дрожащей нитью свет.
Схоронят к ночи мёртвых, над рекою дымом
Прольётся тихое печальщее «нет».

Глаголь

Ветром лететь,
Правдой гореть,
Быть к врагу беспощадным.
Верой дышать,
Соколом стать,
Зреть края необъятны.
Грозно рычать,
Молнии слать,
Быть бойцом безупречным.

Страх не терять,
Пыл не смирять,
Бить ключом бесконечным.

Высохло русло быстрой реки,
Тени живых сторонятся.
Светлого братства узы крепки,
Нечего чёрта бояться.
Вызрело семя сталью клинка,
Бродит по свету, воюет,
Вострою шашкой в сильных руках
Рубит, со смертью танцует.

Ночью вставать,
Полям бежать,
Жить, свечой догорая.
Правду искать,
Сердце терзать,
Путь звездой озаряя.
Тенью молчать,
Раны считать,
Пить росу утром жадно.
Пламя сберечь,
Душу зажечь,
Гнать коней безоглядно.

Вечером поздним гонит судьба,
Страх обуял поднебесье.
Вызовом дерзким встретят тебя
Руны небесных созвездий.
Логово зверя брать не впервой —
Замер охотник суровый.
Истину Бога мудро глаголь.
Сбрось ненавистны оковы.

Триединство

Вера в Отчизну, в Бога, в царя
В битве не раз выручала.
Смерти в лицо смотрели смеясь.
Шли по крутым перевалам.

Родина верит: время придёт —
Дети дождутся рассвета.
Родина знает: сын сбережёт
Реки, поля, запах лета.

Солнце пылает, пули свистят,
Гроз громовые раскаты
Вычертят в небе Божью скрижаль —
Пробил час грозной расплаты.

Батюшка-царь, осилим врага,
Вырвем без жалости жало.
Наша победа дюже близка —
Радостью сердце пылало.

Вера в Отчизну, в Бога, в царя —
Знак, отпечатанный свыше.
Дух триединства примет земля,
Слово свободой дышит.

Возвращение

Возвращались казаки из похода...

Дм. Ревякин «Возвращался атаман»

Возвращались казаки из похода,
Солнце юное сияло им вслед,
Песня звонкая летела задорно,
Раны горькие шипели в ответ.

Вековые перевалы Урала
Их встречали благовестной весной.
Вся станица молодцов привечала.
В синем небе воцарился покой.

Степь родная, принимай покаянье,
Из похода возвратились не все.
Души братьев обогреты молчаньем.
Спят спокойно в чужедальной земле.

Возвращались казаки из похода.
Крест нательный под рубахой висит.
Одолели казаки рокот рока.
Сердце тонет в чарах новой весны.

ВСЁ КИНОЦЕНТРАЛЬНО

Про город

В город-монстр вливаются улицы,
Разрезая немое пространство.
Мы идём, над нами сутулится
Гренадёрски-бетонное царство.

Сквозь толпу невозможно прорваться,
Да и стоит ли жизнь нам калечить.
На дорогах железное братство
Уголовно плюётся картечью.

Город смотрит на нас и смеётся,
Выдыхая зловонное зелье.
Город скрыл от нас яркое солнце,
Затуманив глаза, как с похмелья.

Но живые ростки прорастают,
Раздирая асфальтное пекло.
Дождь всю грязь потихоньку смывает,
Очищая наш город от скверны.

Новые мотивы

Грязные улицы —
Ночи без фонарей.
Люди сутулятся,
Пьют обыденность дней.

Свежие новости
Сквозь газетный киоск.
Жёлтые повести
Нам разъедают мозг.

Стройки масштабные —
Храмы да кабаки.
Беды сакральные —
Ямы да дураки.

Дети играют
Вдоль уснувших машин.
Сумерки прячутся
В свет холодных витрин.

Город пытается
Смыть с себя негатив.
Город меняется.
Ищет новый мотив.

Вырвусь из плена города

Вырвусь из плена города,
Из душных его границ.
В клочья одежды модные,
Мне ближе коленца птиц.

Досыта выпил смрадного,
Сумятицу дней кляня.
Чувства наелся стадного —
Скорей бы домой, в поля.

Выстудил жар бетонный
Бездушных домов-глазниц,
Вытравил дух зловонный
Их бледных суровых лиц.

Вырвусь из плена города,
Смахну вековую пыль.
Буду дышать по-новому,
Сминая степной ковыль.

Вспоминая старый город

Я скучаю по старым трамваям,
По Рабочему рынку грущу,
Демонстрациям Первого мая,
По тритонам на стройке в пруду.

По стакану цветной газировки,
Отрывному купону лото,
По красивым китайским кроссовкам,
По дневному походу в кино,

По просторным и сонным проспектам,
Где гуляли в жару с ребяtnей,
По футбольным воротам без сетки,
По мячу, что чеканил ногой.

По кафе под названием «Сказка»,
Где вкуснейшие ели блины —
Жили мы в эти годы прекрасно
На просторах великой страны.

В этот мой перестроечный город
Возвратиться сознанием рад.
Каждый миг того времени дорог.
Жаль, уже не вернуться назад.

Много маленьких есть городов...

Много маленьких есть городов
На просторах великой России.
В них сакральные тайны богов,
В них места удивительной силы.

Яркий свет мегаполиса крут,
Но проходит одна лишь минута —
Возвращаешься в тихий уют,
Чистотой первозданной окутан.

Ощущаешь вселенский покой,
Проходя по тенистым аллеям.
И скамеек некрашенных строй
Нас встречает без тени сомнений.

Ветер кружит беспечно листву,
Унося все печали и страхи.
Я стою у реки, на мосту,
Наблюдаю утиную стаю.

Прохожу по знакомым местам,
Сердце вмиг наполняется счастьем,
И берёзки-красавицы стан
Мне милее в любое ненастье.

Много маленьких есть городов
На просторах великой России.
Каждый день любоваться готов
Красотой своей Родины милой.

Городские сны

Ночь опустилась на город.
Светит на небе луна.
Тихо в оконных проёмах —
Спят сладким сном до утра.

Городу снится дорога,
Полная ям да канав.
Снится вокзальная ссора.
Снится заморский удав,

Снится застольная песня,
Праздничный снится салют,
Снится опара для теста,
Снится собачий приют.

Городу снится работа —
Чтоб её бог покарал.
Городу снится суббота —
Дождик весь кайф обломал.

Снятся бумаги да сроки
Бюрократических дел.
Школьнику снятся уроки —
Выучить ведь не успел.

Снятся любовь и разлука,
Снятся походы в кино.
Снится Обломова скука,
Снится готический По.

Город проснулся с зарёю,
Выспаться он не успел.
Сонно шагают герои —
Прочь от гнетущих проблем.

Городской блюз

Куплет:

Этот город смотрел на меня свысока.
Мне казалось, что это такая игра.
Я выбрасывал письма из окон домов,
Провожая в полёт многоточием слов.

Без тебя из-под ног уходила земля.
Угодил я в капканы вчерашнего дня.
В этом мире условностей и пустоты
Я хотел подарить тебе чудо весны.

Но нарушен естественный ход бытия:
Я терял каждый день по частичке тебя,
Ускользала мечта из таинственных снов,
Попадая в пространство незримых оков.

Припев:

Небо, я очень жду от тебя дождя,
Солнце, обогрей поскорее меня,
Ветер, ты вновь пропой мне шальную песнь,
Вечность, расскажи то, что жду её здесь.

Куплет:

И в рассветных лучах уходящей зимы
Я увидел подснежников первых цветы,
Их изящно-пронзительная простота
Подарила надежду и каплю добра.

В переходе подземном я встретил её.
Это было как в старом французском кино.
Долгожданный, волшебный, волнительный миг —
Никому не разбить это счастье двоих.

Припев:

Небо, я увидел твою красоту,
Солнце, ты мне вновь подарило мечту,
Ветер, больше я не хочу перемен,
Вечность, не разрушь эту радость ничем.

В этом городе сердце моё

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.*

С. Есенин

Уезжал за две тысячи вёрст,
Где красоты на каждом шагу:
Водопады спадающих слёз,
Кипарисы в приморском саду.

Возвратился в родные края,
В городскую озябшую хмарь,
Где дожди льют с утра до утра,
Вызывая тоску и печаль.

Но не сетую и не ропщу,
Мне мой город до святости люб.
Здесь родился я, здесь и живу —
Я по сути своей однолюб.

Буду петь я родные места:
В этом городе сердце моё,
Только здесь расцветает душа,
Раскрывая моё естество.

Всё киноцентралью

Всё в мире киноцентралью.
В нашем городе точно.
Я разгадал эту тайну.
Можно поставить точку.

Я ПОЮ ЖИЗНЬ СВОЮ...

*Посвящается
Сергею Александровичу Есенину*

Тетрадь

Я себе до конца не верю:
По дороге навстречу ко мне
Шёл неспешно Сергей Есенин
В светлых брюках и пиджаке.

Разогнал ветер злые тучи,
Солнце вдарило недуром.
Почему я такой везучий?
Или это похмельный сон?

А поэт, головой кивая,
Приближался, сбавляя шаг.
И в лучах золотых играли
Кудри светлые невпопад.

Подошёл, посмотрел лукаво,
Из кармана достал тетрадь
И сказал: «Вот тебе отрада,
Будет вечером что почитать».

Подмигнув, отошёл в сторонку,
Долгим взглядом измерил путь.
И побрёл неспешной походкой,
Прихватив житейскую грусть.

Я стоял и не мог поверить,
И, наверно, не нужно гадать.
Здесь со мной был Сергей Есенин —
Подтвержденьем тому тетрадь.

Я пою

Я пою золотые просторы,
Бесконечную русскую ширь.
Где леса окаймляются долом,
Ветер северный дюже постыл.

Я пою обветшалые избы
Низкорослых моих деревень,
Гроздья алые поздней рябины,
Покосившийся набок плетень.

Я пою полумесяц игривый,
Тишину предрассветного сна,
Убаюканный лаской пугливой
В ожидании нового дня.

Я пою златокудрую осень,
Чёрно-белый берёзы наряд.
В волосах белоснежная проседь.
Не вернуть годы юные вспять.

Я пою жизнь свою, не жалея
Аромата некошенных трав.
Я брожу по осенним аллеям,
Пряча руки в пальто рукавах.

Осень

В этом сказочном месте
Мои мысли легки,
Златокудрой невесте
Я читаю стихи.

Небо веет прохладой —
Близок день осенин.
Удостоился взгляда
Синеоких вершин.

Я сейчас вспоминаю
Беззаботные дни.
Осень я обнимаю —
Красоту сохрани.

На излёте зимы

По заснеженной дороге,
В вихре вьюги низовой,
Без унынья и тревоги
Мчался к стороне родной.

Вдруг на сотом повороте —
Тишина и благодать.
Как? Зима уж на излёте?
Перестаньте, хватит лгать.

Побегут ручьи свободно,
Солнце выйдет из-за туч.
Цвет распустят благородно
Деревца на склонах круч.

А пока на повороте —
Древнерусская тоска.
Еле двигаются кони
Под удары ямщика.

Красавица

Мне так нравится Ваша улыбка,
Нежность кожи, изгиб спины.
Неужели же было ошибкой
Встретить Вас на своём пути?

Мне так нравится Ваша походка,
Глубина малахитовых глаз.
Вы для жизни моей — ох, находка
В череде серо-будничных масс.

Мне так нравятся Ваши уловки,
Поступь статная, выдержка, стиль.
Я ещё обладаю сноровкой!
Может, нам станцевать кадрили?

Мне так нравится Ваша свобода,
Гордый взгляд, небанальность фраз.
Вы из знатного древнего рода.
Вы — прекрасный и дивный алмаз.

Мне так нравится... Вы мне нравитесь.
Может быть, перейдём на ты?
Ах, какая же ты красавица!
Тройка быстрая, вдаль нас неси!

Не надо

Не надо бить себя руками в грудь,
Доказывая смысл бытия.
Всё, что сбылось и не сбылось, забудь.
Вся наша жизнь безумная игра.

Не надо пестовать сомнительную грусть,
Завистливо глаза в небеса.
В лесной глуши я Богу помолюсь.
Нырну с улыбкой в поле-океан.

Жизнь моя

На дворе бесноватый июль.
Солнце жарит круги на воде.
Я бреду по иссохшей земле,
Укрываясь от вражеских пуль.

Для меня нет иного пути,
Жгу глаголом людские сердца.
На руках у меня небеса.
Душу мне заковали в тиски.

Беззаботную юность свою
Отравлял ядовитым вином,
С дерзкой яростью шёл напролом,
Разрывая сознание злу.

Было много друзей и подруг,
Подвизавшихся с разных сторон.
Мне милее церковей перезвон —
Здесь всегда замыкается круг.

Я про Родину песни слагал,
Про сакральную древнюю Русь.
На миру ничего не боюсь —
С дедом землю весною пахал.

Жизнь моя пронеслась невпопад.
На дворе белозубый декабрь.
Кто-то бродит по снежным ухабам,
Как и я, в полутьме, наугад.

А весной побегут ручьи...

А весной побегут ручьи
По ложбинкам земли родной.
Птица первая прокричит
О любви моей неземной.

Солнце выглянет из-за туч,
Ветер южный ударит в грудь,
Родниковый забьётся ключ.
Собираюсь в далёкий путь.

Увидать роковую даль
Предначертано мне судьбой.
Чтоб вернуться в родимый край,
Я иду стороной чужой.

Здесь от веры остался грош,
От любви — череда потерь.
Правит балом бандитский нож
Да удалый лихой кистень.

Брат на брата идёт войной,
Разрушая родимый кров.
Здесь любой, кто не в масть, — изгой.
Делят Родину вновь и вновь.

Здесь дома закрывают свет,
Дым угарный со всех сторон,
Здесь в чести дорогой обед
Да конторы для похорон.

Подхалимство, шантаж и блуд
Вьют из сердца тугую нить.
Нервно хлещет по телу кнут,
И душа от обид болит.

Но весной побегут ручьи,
Солнце выглянет из-за туч,
Песня звонкая вдаль летит —
Ветер южный упрям, могуч.

Память

До свиданья, друг мой, до свиданья...

С.А. Есенин

До свиданья, мой друг, до свиданья.
Мыслей дерзких погашен огонь.
В зимнем небе зарделось сиянье,
Ждёт меня путь иной, неземной.

Я оставил тебе слов немало,
Ширь полей, косогоры, леса.

Всё, что в жизни душа привечала,
Всё, что память моя берегла.

Милый сердцу пейзаж деревенский,
Озорную небесную синь,
Цвет черёмухи искренне-женский,
Придорожный примятый ковыль,

Поцелуй пышногрудой крестьянки,
Белокожесть столичных богинь,
Развесёлую песню тальянки
Да осеннюю хмурую стынь.

Я оставил тебе всё, что нажил.
Если что-то не так — извини.
Пусть прочтут эти строки однажды
Сыновья среднерусской весны.

РАЗНОПЛАНОВЫЙ ДЗЭН

Голос Севера (Первый шаг к Дзэну)

Голос Севера напрочь простужен.
В небе сером отчаянья боль.
Жребий брошен, невидимый ужас
Пробирается в нашу юдоль.

Откровения близят к закату,
Мир бежит адекватных речей.
Для любви приготовлена плата,
Для души — беспринципный елей.

Бродят в сумерках мрачные тени,
Смотрят с завистью в лица людей.
Обездвижен бедовый Емеля,
Убаюкан фатальностью дней.

Время движется нервным потоком,
Память ловко скрывает следы.
Уготовано нашим потомкам
Править пиром во время чумы.

Голос Севера должен окрепнуть,
Просветление должно прийти,
Радость жизни — победно воскреснуть —
Встретить знаки небес на пути.

Просветление (Февральский Дзэн)

В путь-дорогу зовёт судьба
Разорвать круговую цепь.
Сквозь оскал времён пропадать —
Верить сердцем, душой гореть.

Правду жизни искать во всём,
Веру в Бога хранить в себе.
Жалить скепсис свинцом обойм.
Радость неба узреть во тьме.

Удалить вековую пыль,
Заарканить благую цель.
Где-то небыль рождает быть,
Кто-то видит себя в прицел.

Я познал бесконечность дней,
Разорвал круговую цепь.
Суету бытовых страстей
Заменил просветлённый Дзэн.

Приуныло время (Дзэн времени)

Приуныло время,
Хоть и мчится быстро.
Перебор елея
В головах искрится.

Связь времён порушил
Бесноватый цензор.
Бытиём задушен,
Убаюкан скерцо.

Изменил пространство
Внесистемный атом.
Привело упрямство
Незаметно к аду.

Закипело небо,
Обессилел ветер,
Верховодит светом
Белоснежный лебедь.

Пессимизм на входе,
Оптимизм на выход.
Время лечит болью.
Время — вечный зритель.

Память сердца (Философский Дзэн)

В ритуалах полуденных бдений —
Пыль дорог на моих сапогах.
В полумраке ночных сновидений —
Первобытный невидимый страх.

Закольцовано вечностью время,
Зарубцованы раны небес,
Бесполезно людское терпенье,
Бессознательны сонмы чудес.

Отфевралены зимние стужи
Перекосом земных полюсов.
Все системные связи разрушил
Некто меткостью сказанных слов.

Удивительны наши надежды
На красивый счастливый итог.
Память сердца покоится между
Вдохновенных и радостных строк.

Времена года (Дзэн природы)

Осень

В золото листопада
Строки текут дождём.
Утренняя прохлада
Гонит тревожный сон.
Сбрасывает одежды
Тихо вечерний лес.
Проблесками надежды
Выткан сезон чудес.

Зима

Студёный воздух обжигает горло.
В вечернем небе светлый лик Луны.
Ведунья зимняя шагает гордо,
Лихая поступь прячет миг беды.

Зима надела белоснежный панцирь.
Затихло пенье звонких птиц судьбы.
Метелью схвачен просветлённый разум.
Природа жаждет новых грёз весны.

Весна

Выбежала ручьём
Тихая благодать.
Выплеснулась лучом
Солнца благая рать.

Выткала кружева
Сказочная капель.
Вспрянула ото сна
Пёстрая канитель.

Звонкие бубенцы
Радостно светлых дней.
Взнуздана под уздцы
Тройка лихих коней.

Мудрая благодать
Вырвалась на простор.
Пляшет земная рать,
Верит в свою любовь.

Лето

Как разнежилось лето красное
На просторах земли родной,
Убаюкало солнце ясное
Плечи девичьи в душный зной.

Раскуражились души сонные,
Полетели к родне на юг.
Приоделись в наряды модные —
Распогодили всё вокруг.

Эпилог. Всесезонный сон

Пролетело стремительно время.
Город Солнца заплакал дождём.
Но забыть о чудачествах Леля
Не даёт всесезонный сон.

Любовный посыл (Дзэн любви)

Тихо-тихо закатное небо.
 В дверь стучится любовный посыл.
 Я прошу тебя, страстная нега,
 Заходи же ко мне, заходи.
 Будем слушать красивые песни,
 Собирать полевые цветы,
 Целовать обнажённые плечи,
 Предаваться разгулу мечты.
 Пропадать в беспредельном пространстве
 Уготовано мне и тебе.
 Порождённые сказочным царством,
 Бросим вызов рутине-судьбе.
 Сладкий миг — окрылённое чувство,
 Тишина — бесконечность любви,
 Красота — основанье искусства,
 Чистота — первозданность души.
 Счастье, скрытое в сущности мира, —
 Просветление в избранный день.
 Нас любовь в этой жизни сроднила —
 Расцветает душисто сирень.

Финальный концерт (Високосный Дзэн)

А вот и февраль,
 Заарканив свободу,
 Подкрался внезапно,
 Ударил в виски,
 Повесил медаль
 Високосного года,
 Пророческим залпом
 Завыл от тоски.
 Постылые дни
 Суетливых брожений
 Наполнены смрадом
 Бездонных болот.
 Сверкают огни

Депрессивных учений
Сакральным обрядом
В разрывах аорт.

Раздета судьба
Откровеньем пророка.
Дыхание неба
Волнует миры.
Извечна борьба
С порожденьем порока.
Пронизаны светом
Людские умы.

Душевный порыв —
Просветление близко.
Сомнительных линий
Разорвана цепь.
Готовы в прорыв,
Промедление низко.
Беснуется зритель —
Финальный концерт.

Позитив (Голос Дзэн)

Овладела пространством радость,
Засверкали огни любви.
Засияла святая благодать,
Принесла в мир свои плоды.
Золотая пора настала.
Чудотворной иконе жить.
Засыпает дурная слава.
Млечный Путь продолжает плыть.
Верховодит умами правда,
Ветер южный несёт тепло,
Детский смех зазвучал отрадно,
Сердце бьётся в груди легко.
Позитив окрыляет душу.
Расцветает в саду сирень.
Я готов бесконечно слушать
Голос Дзэн вдохновенных дней.

Книга 3

СВЕТЛАНА ЛОБОВА

МОЛЕКУЛЫ ЛЮБВИ

Однажды меня спросили: «Откуда ты берёшь темы для своих рассказов?» Я растерялась. Никогда не задумывалась. Они вокруг нас. Это как любовь, приходящая ниоткуда и уходящая в никуда... Что происходит, когда люди влюбляются? Да, верно, ведут себя как дети. Общаются лёгкими, смущёнными прикосновениями. Возникает какое-то странное притяжение – магнетизм ощущений. Любящие не разговаривают, а перешёптываются и становятся ещё ближе в своей любви. А потом они только смотрят друг на друга и всё понимают без слов. Так бывает, когда ты любишь и любим. Где-то прочитала, что, если

двое начинают ссориться, их сердца отдаляются. Чтобы быть услышанным, им приходится кричать. Чем сильнее они злятся, тем громче кричат. Не позволяйте вашим сердцам отдаляться друг от друга, не произносите слов, которые ещё больше увеличат расстояние между вами. Потому что может прийти день, когда расстояние станет так велико, что вы не найдёте обратного пути...

Любовь – взаимное чувство, которое окрыляет, вдохновляет и побуждает к невообразимым переменам. Что только не меняет любовь. Появляются новые замечательные песни, фильмы, стихи, романы. Но, повторю ещё раз, это происходит только в случае, если чувства взаимны.

Будьте **ЕДИНСТВЕННЫМИ** для своих любимых.

Это и есть, по-моему, главная составляющая счастья.

Я пишу о взаимоотношениях, чувствах, интересных встречах, иногда о смешных жизненных ситуациях. По своей сути все мои рассказы о любви.

Дорогие читатели, я вас приглашаю в мир моих литературных героев.

С уважением, Светлана Лобова

ПОСЛУШАЙ, СКЛИФOSОВСКИЙ!

Замечательное время — субботнее утро. Впереди два выходных дня. Можно выспаться, съездить в магазин, встретиться с друзьями, сходить в кино, на выставку, в театр. А можно лениво валяться на диване, отключить телефон и никуда не выходить из дома.

Будильник мобильного телефона честно звонил десять минут. Марина его не слышала. Полночи она провела «в джунглях» интернета, разговаривала со знакомыми по Skype, читала рассказы, стихи, слушала музыку. В то утро её сон младенца никто бы не нарушил до самого полудня, но было одно обстоятельство.

Это самое «обстоятельство» на мягких кошачьих лапках бродило по квартире в поисках приключений на свой хвостатый зад. Звали полосато-рыжего красавца Пират. Надо признаться, имя это очень шло к наглой рыжей кошачьей морде, на которой даже сквозь шерсть проступали боевые шрамы, полученные когда-то в дворовых драках. Рваное ухо, бережно зашитое руками хирурга-ветеринара, тоже свидетельствовало о боевом характере Пирата. Сейчас он жил в тепле и уюте. Когда оставался один дома, запрыгивал на подоконник и на улицу смотрел с непреходящей тоской.

В квартире Марины Пират был в гостях. Его хозяин, сосед Костя Склифосовский, работал врачом на станции Скорой помощи. Вообще-то фамилия у Константина была другая. Но после его короткой работы травматологом прозвище именитого коллеги прилипло к Константину навсегда. Работая на Скорой, он, человек одинокий, часто подменял коллег на вызовах и потом оставался спать на работе. На это время кота забирали к себе соседка, женщина добрая и отзывчивая. Она жалела холостого соседа и его брошенного на произвол любимца. Пирату в её доме был отведён коврик под батареей. Залезать на кровать Марина категорически запрещала. Попытки пресекались безжалостно. Спать дома в ногах соб-

ственного хозяина у кота желания не возникало. Сейчас он забрался на подоконник и наблюдал не за птичками, а за спящей Мариной. Вот она заворочалась, значит, скоро проснётся. Из-под одеяла высунулась её нога. Понятно, от утренней жары под одеялом. Пират этот факт воспринял по-своему. Он обрадовался пробуждению хозяйки квартиры и, распутив веером когти, тут же атаковал её голую ногу. Марина взвизгнула, столкнула наглеца на пол и, глядя, как он, раздражённо размахивая хвостом, обиженно удаляется в сторону кухни, крикнула: «Я сейчас накормлю тебя. Не злись, пожалуйста!»

Она нехотя поднялась, пошарила ногой под кроватью в поисках тапочек. Накинула халат и пошла на кухню.

— Вот что бы я без тебя делала, — глядя на Пирата, произнесла Марина и тут же сама себе ответила:

— Спала бы до полудня, пока твой хозяин не соизволит тебя забрать!

В холодильнике осталось полбанки кошачьих консервов. Марина переложила их в миску Пирата. Он, в свою очередь, торопливо потёрся о ногу благодетельницы и подбежал к еде. Издавая урчащие звуки и не забывая благодарно поглядывать на Марину, Пират начал поглощать кошачье лакомство. Марина заварила в турке крепкий кофе. Открыла холодильник. Кошачья морда тут же влезла в приоткрытую дверь. Марина сказала «Кыш!», достала пармезан. Отрезала от большого куска прозрачные ломтики. Один она мелко нашинковала и кинула в миску Пирата. Кот неторопливо, по-барски вальяжно приблизился к своей миске и розовым шершавым языком принялся гонять сыр по глубокой тарелке. Наконец лапой поддел непослушный кусок и отправил его себе в пасть. На его морде появилось человеческое выражение блаженства. Марина расхохоталась. Это она приучила кота есть сыр и солёные огурцы. Костя своего питомца не баловал деликатесами со своего стола.

— Ладно. Отдыхай пока. Жди своего хозяина. Мне не мешай, — она почесала кота за ушком, погладила его маленькую пушистую голову и отправилась принимать душ.

Время утра пролетело незаметно. После полудня стукнули двери лифта. Наверное, Константин вернулся.

Так и есть. Сосед загремел ключами входной двери. Скоро он придёт за Пиратом.

Марина перелила кофе в свою чашку. Заварила в турке ещё одну порцию для Кости.

Раздался звонок в дверь. Пират бросился встречать хозяина. Костя обрадовался, увидев кота:

— А-а-а, разбойник, соскучился! Я купил для тебя в супермаркете много «кошачьей радости»!

Он посмотрел на Марину и сказал:

— Кстати, Марин, надо и твой холодильник затарить. Пойдём, заберёшь, а то я сразу не подумал.

— Хорошо, — ответила Марина, — только давай кофе выпьем. У меня есть сыр и творог. Ты что будешь?

— А молоко есть? — поинтересовался Константин.

В отличие от Марины он не любил крепкий, чёрный кофе. Разбавленный молоком пил с удовольствием. Марина потянулась к холодильнику. Рядом опять замаячила кошачья морда.

— Отойди, а то прищемлю твой любопытный нос, — смеясь, Марина отогнала Пирата и достала пакет молока. Повернулась к Косте:

— Налей, сколько тебе надо.

Попивая мелкими глотками кофе, Костя неожиданно спросил:

— Марина, вот ты такая вся из себя ладная дивчина, а живёшь одна. Почему? Понять не могу.

Откуда-то снизу послышалось: «Ми-и-а-у-у!» Костя шикнул на Пирата:

— Подожди, дай поговорить. Успеем домой.

Марина была старше Константина на шесть лет и поэтому отвечала на его вопросы без стеснения:

— А мне никто не нужен. Хватает твоего Пирата. Но и с ним забот мало. Он у тебя самостоятельный. Вот ещё бы и еду сам себе доставал из холодильника, — рассмеялась Марина.

— Марин, я тебя как доктор спрашиваю. У тебя в по-

следнее время взгляд потухший и походка никакая.

Марина удивлённо взглянула на своего визави:

— Что, так заметно? Знаешь, не хочу я больше никаких отношений...

— Маринка, но ты ещё не старуха!

— Спасибо, дорогой. Но я всё же старая кляча, и от этого никуда не деться.

Костя присвистнул:

— Чтоб я больше не слышал от тебя таких слов! Не наговаривай на себя! Я прав, Пират?

Кот вскинул голову, услышав своё имя, и беззвучно скрипуче поддакнул: «Мяв!»

— Вот видишь, мы, мужики, понимаем больше.

Марина грустно улыбнулась и нехотя ответила:

— Я письмо прощальное получила от своего ненаглядного, из которого узнала, что я — «лживая тварь». Вот так... даже разбираться не хочу! Одной как-то спокойней. «Хочу — плюшки ем, хочу — на транзисторе играю!»... Давай-ка лучше поговорим о тебе. Ты-то почему один живёшь? Вроде женским вниманием не обделён!

— Марин, скажешь тоже! Нам с Пиратом никто не нужен! Да и некогда мне! Я всё время на работе. А то придёт... какая-нибудь, лифчики и трусы свои везде развесит...

Улыбаясь, Костя добавил:

— А вдруг она не понравится Пирату? Что тогда? Прощай, любовь, или прощай, Пират? Не-е-ет, я Пирата выбираю! Он не любит, когда я баб домой привожу. Понимаешь, кот привык к моему вниманию. А женщины — они отвлекать будут. Я тут как-то заметил, что он не любит запаха цитрусовых. Интересная история. Послушай. Привёл я вечером подругу домой. Почистил апельсины, корки сложил в миску и поставил у входной двери в комнату, чтоб котяра не входил. Так он, гад, боком прошёл. Залез на спинку дивана и давай орать! Добился своего, что мне пришлось убрать корки. Но и девица убралась тоже... Вот так! Никакой личной жизни. Мои барышни должны в первую очередь тест-контроль у Пи-

рата пройти. Ладно, Мариш, идём за консервами.

Марина вздохнула:

– Послушай, Склифосовский, просто ты ещё не встретил ту самую, свою единственную.

Костя с удивлением оглянулся на Марину и прямо ответил:

– Перефразирую для ясности. Просто я ещё не нашёл такую, как ты.

– Но, но, но! Ты забыл, что я тебе говорила...

– Я ничего не слышал!.. Ладно, пойдём к нам.

Марине нравилось в квартире Константина. Везде была чистота и порядок. Или сосед редко бывал дома, или часто делал уборку. Вещи не валялись на стульях, на телевизоре и мебели не было пыли. Пират впереди всех привычно потрусил на кухню проверить холодильник. Костя рассмеялся:

– Мой верный Санчо Панса – Пират. Никогда не продаст, если я жру по ночам. Знаешь, почему? Потому что будет жрать вместе со мной!

Константин вытащил из холодильника увесистую упаковку консервов. С сомнением в голосе произнёс:

– Марин, а в твоём холодильнике будет место для этих деликатесов?

– Давай, давай, Склифосовский, место найдётся! Голодные коты хуже голодных мужчин. Никаких слов не понимают!

Костя захлопнул ногой холодильник:

– Слушай, Маришка, я собираюсь через полчаса в Ашан. Поедешь со мной? Мне веселее будет. Да и посоветовать что-то сможешь!

Ответить Марина не успела. Зазвонил мобильный телефон Константина. Костя, отвернувшись к окну, «замурчал» в трубку:

– Леночка-солнышко! Да, моя радость! И я очень соскучился. Конечно-конечно... Я через полчаса, как штык, у тебя! Да, как всегда! До скорого, увидимся! Целую в носик... Конечно, и в губки... твои сахарные, моя Вишенка. Ну, милая, конечно-конечно. На крыльях... Лечу к тебе!

Костя нажал кнопку «отбой», тяжело выдохнул и посмотрел на оцепеневшую Марину:

— Что стоишь? Иди собирайся. Мы едем или не едем в Ашан?!

Марина вышла из ступора и пошла к выходу. Неожиданно остановилась, оглянулась, глотнула воздух и поинтересовалась:

— Она похожа на меня?

— Кто? — брови Кости удивлённо полезли вверх.

Марина передразнила, сморщив нос:

— Ну эта... твоя Вишенка, Леночка-солнышко?

Костя расхохотался:

— Ты что, с ума сошла?!

И через мгновение совершенно серьёзно, внезапно охрипшим голосом, добавил:

— Ни капли... не похожа...

28.04.2013

АФАНАСИЙ

В огромном столичном мегаполисе много приезжих. Среди них добродушные, неизбалованные, не искушённые новейшими достижениями телефонной и компьютерной связи люди. Они во все глаза рассматривают навороченные смартфоны и электронные книги пассажиров московской подземки. Постоянно уступают места всем, кто старше их, не закрывают глаза на тех, кто стоит рядом. Ведут себя вразрез с привычно-наглой массой населения московского метро...

Встречали ли вы когда-нибудь ангела в цветастой городской толпе? Не настоящего, не того, что с белыми крыльями, конечно. А бесхитростного, беззлобного, доверчивого человека? Я вижу таких людей постоянно.

Короткая история, которую хочу рассказать, произошла в Крыму, а ещё точнее — в Керчи. Моя однокурсница — коренная керчанка. Мы студентами отдыхали летом у неё дома.

Из окна квартиры прекрасно просматривался Обелиск Славы Бессмертным Героям на горе Митридат. Извилистая дорожка вела к вершине, к самому памятнику — мемориалу воинской славы павших при освобождении Керчи в годы Великой Отечественной войны.

В древние времена на горе располагался античный город Пантикапей. Названа гора по имени понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибшего здесь вследствие политической и военной борьбы с римлянами. Это имя означает «дар Митры» (персидского бога Солнца). Может, в этом одна из причин, что горожане Керчи — люди весёлые, с добрым чувством юмора. Этому способствует всегда солнечная погода, запах моря, пестрота национальностей горожан.

Моя подруга занималась спортом, она была в команде института. Ездил на сборы и выступала на легкоатлетических соревнованиях. Каждый вечер Галя совершала многокилометровые пробежки по тропинкам Митридата (тогда ещё не построили несметное количество лестниц, ведущих к мемориалу). За бегущей Галюней устремлялась местная детвора и бездомные собаки. Пары пробежек моей подруге хватило, чтобы отказаться от бега с эскортом, и мы стали ездить на автобусе на стадион, где по полиуретановому покрытию беговых дорожек Галка наматывала многокилометровые круги. Я, вечный зритель, сидела на трибуне и, надо признаться, не скучала. Кроме бегунов, на стадионе занимались прыгуны через барьеры и просто в высоту. Было что посмотреть.

В один из дней мы зашли в переполненный автобус. Рядом с нами оказалась группа молодёжи, которая ехала куда-то по своим молодёжным делам. Мы переговаривались и шутили. На очередной остановке по ступеням автобуса поднялся маленький старичок с седой бородёнкой. К нему подлетела кондукторша, продала билет и, несмотря на внушительные размеры, как кошка сквозь доски забора, протиснулась внутрь салона, бросив на ходу: «Не забудьте прокомпостировать билет, иначе могут оштрафовать контролёры».

Дед покрутил билет, увидел укрепленный под окном компостер, подошёл к нему, и тут вся решимость деда улетучилась, он как-то обмяк. Компостер представлял собой мощнейший агрегат (думаю, за него изобретателю была выдана хорошая премия). Просто монстр, а не компостер! Я сама робела при виде этой навороченной конструкции. Ещё надо было разобраться, как правильно вставить билет и найти рычаг.

Дед посмотрел на ребят: «Хлопцы, помогите разобраться, как эта штуковина работает?»

— Очень просто, дед. Подходишь к нему, кланяешься, называешь своё имя и говоришь, куда едешь. Билет поставишь вот так вертикально и надавишь на рычаг, — отозвался долговязый парень.

Никто не успел даже дыхания перевести, как дедушка молниеносно совершил «ритуал компостирования». Он быстро подошёл к компостеру, наклонился к нему, лихо клацнул на рычаг и доверительно сообщил:

— Афанасий, до базара!

Автобус просто взорвался от смеха! Пассажиры развеселились. Кто-то уступил дедушке место. Он сел, высоко задрав седую бородёнку, и стал с серьёзным выражением лица смотреть в окно. Гогочущие парни собрались выходить из автобуса. Долговязый потянулся к старику:

— Дедушка, удачи вам. Не обижайтесь на меня. Слушайте остановки, водитель объявит вашу.

Дед улыбнулся, прищурил выцветшие добрые голубые глазки:

— Нормально. Вам весело, и мне хорошо. Пока, хлопцы!

Мы поехали дальше в светящемся от улыбок автобусе. Афанасий рассматривал в окно проплывающие мимо улицы города. А я подумала: «Вот он, добрый ангел. Прожил жизнь и не обозлился на неё».

И ещё мысленно подкорректировала известную формулу про то, что спасёт мир. Догадались? Не одна красота...

Доброта спасёт этот мир.

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

*Только с тобой я был бы счастлив,
только с тобой я мог бы жить.
Я в этот мир пришёл случайно,
чтобы одну тебя любить...*

С. Михайлов

Антон стоял у окна, смотрел на огни большого города. Звёздное небо подмигивало вспышками голубоватых огней. Вдали разноцветными искрами мерцала вода залива. Где-то рядом более полувека назад, на двадцать третьем этаже в пентхаусе одного из небоскрёбов, жил Антуан де Сент-Экзюпери. Из своего окна он видел Центральный парк Нью-Йорка. Антуан прожил в этом городе два года. Не хотел учить английский язык. Его квартира напоминала гостям кабину самолёта. Интересно, что здесь он написал своего «Маленького принца».

«Рассказать об этом Юле, — подумал Антон, — она была бы удивлена».

Как давно он не видел Юлию... Представил себе смеющееся лицо, весёлые искорки в глазах. Ему нравилось украдкой рассматривать её.

...Юля, как обычно, рассказывала разные истории из чужой жизни, в смысл которых Антон мало вникал. Он на шаг отстал от Юли, любовался силуэтом стройной фигуры, рассыпающимися по плечам тёмными волосами. Она оглянулась. Сделала шаг назад, подхватила Антона под руку. Ей нравилось чувствовать его силу. Антон специально крепко прижимал к себе локоть так, что Юлька оказывалась очень близко. Её чёлка была на уровне его глаз. На ходу она поднялась на носочки, заглянула Антону в глаза. Он не мог долго выдерживать взгляд её карих глаз. Как ни банально это звучит, для него это был омут, в котором он тонул. Старался смотреть куда угодно, только не в эти глаза «цвета виски».

Для Антона была загадкой национальность Юли. Однажды он спросил об этом у неё самой. Она пожалала плечами: «Намешано много!» Но потом подумала и ответила:

— Как-то в институте ко мне подошла девушка из Владикавказа и поинтересовалась, есть ли у меня в роду осетины. А мой отец из Осетии. Но откуда Тамара могла узнать? А она сказала: «У тебя глаза, как у осетинских женщин, большие, круглые». А ведь я похожа на всю черноглазую родню отца! Хотя у нас и русские, и евреи, и украинцы в родне.

...Антон смотрел в окно, вспоминал любимую, её звонкий голос. Он чувствовал себя одиноким в чужом городе чужой страны. Что делать, работа есть работа... К расставаниям привыкнуть невозможно.

Память уносила его на шесть лет назад. Они вместе учились. Но друг друга не замечали. Однажды всю их студенческую группу пригласила на свой день рождения однокурсница. Антон и Юля жили в одном районе и потому договорились ехать вместе. Добираться было удобно на электричке, которая в Москве, как известно, городской транспорт. Они встретились у станции «Лось». Антон вышел на перрон, увидел прибывающий поезд и запыхавшуюся Юлю. Он схватил её за руку и втащил в вагон. Двери шумно захлопнулись, и они услышали: «Поезд проследует без остановок — следующая станция Ярославский вокзал». Им нужна была «Яуза», которая только промелькнула перед глазами. Выходя из вагона, они увидели обратную электричку и бегущих к ней людей. Быстро вошли в неё. Поезд тронулся, и через пять минут в окне опять увидели проплывающую мимо «Яузу». Заметив, как вытянулось лицо Антона, Юля закрыла лицо руками и стала беззвучно смеяться, изредка всхлипывая. Водители говорят: «По кольцевой больше двух кругов нельзя». Теперь Антон внимательно изучил расписание. Убедился, что следующая электричка останавливается там, где нужно. Когда они наконец-то

вышли на заколдованной «Яузе», Антон с интересом поглядывал на развеселившуюся Юлию. А в гостях у друзей уже не отходил от неё...

Как обычно, рано утром Юля вышла из дома. Над её головой пролетела шумная стайка воробьёв. Ей показалось, что они своими маленькими крылышками чуть ли не чиркнули по её волосам. Она посмотрела, куда пронеслась шумная ватага. Удивилась. Четверо трепали одного. В дружной воробьиной семье разлад. Непорядок. Она часто наблюдала, как воробьи, раздобыв хлебные корочки, начинали громко чирикать, зазывая собратьев разделить с ними трапезу. Однажды она спросила Антона:

— Ты знаешь, что воробьи — единственные птички, которые не умеют ходить?

Антон удивился:

— Как это? Не может быть.

Юля продолжала:

— Они только прыгают.

Антон слегка нахмурился:

— Но и другие птицы прыгают.

— Да! Но другие и ходят, а воробьи не могут. Спешат всегда, — рассмеялась Юлия. — Вспомни хоть одну птицу, которая, как воробей, только прыгает.

Антон не смог вспомнить, его брови удивлённо полезли вверх:

— Откуда ты это знаешь?

Юлька отмахнулась:

— Просто знаю... А вот почему ты этого не знаешь?

Его забавляла и удивляла Юлькина любознательность. Она как губка впитывала в себя разнообразную информацию. В её голове постоянно теснились всякие истории. Юлька «фонтанировала» идеями. Ему было интересно с ней.

Как-то тёплым летним вечером они прогуливались по набережной. Над ними роем кружили комары. Отчаянно отмахиваясь от них, Юля в сердцах произнесла:

— Как я завидую жителям Мадагаскара!
— Почему? Ты хочешь на берег океана? — поинтересовался Антон.

— Нет, ты не понимаешь, — Юля продолжала размахивать руками, — на Мадагаскаре нет комаров. И вообще никаких кровососущих насекомых.

— Кто тебе это сказал? — удивился Антон.

— Не помню. Однажды смотрела передачу о путешествиях. Когда на остров прилетает самолёт с материка, его пассажиров сразу не выпускают. В салон заходят работники местной санэпидемстанции. И начинают из баллонов разбрызгивать в самолёте какую-то дрянь, чтобы ненароком залетевшие мошки и комарики дохли. Туристам, конечно, не нравится это. Но их об этом предупреждают заранее. Я не представляю, как это летом совсем без комаров. Мы поедем с тобой когда-нибудь туда?

Антон обнял Юлю за плечи:

— Да, обязательно. Я обещаю тебе...

...Антон продолжал стоять у окна, вглядываясь в небоскрёбы Манхэттена. Он до сих пор не выполнил обещание. Командировка в Америку затянулась. Контракт продлили. Он очень скучал по своим родным. Тосковал по Юле. «Милая Юлька, — думал он, — как бы мне хотелось, чтобы ты сейчас оказалась рядом».

В прошлом году он оформил ей вызов. Но приезд Юли по необъяснимым причинам был отложен. Потом закончился её отпуск. Они не увиделись тогда.

Перед отъездом Антона в Нью-Йорк они гуляли недалеко от знаменитого акведука, что на проспекте Мира. Вечером он красиво освещён лучами прожекторов.

Юля спросила Антона:

— А ты знаешь, почему акведук называется миллионным мостом?

— Наверное, это его порядковый номер. М-м-м... Не знаю я.

— Ничегошеньки ты не знаешь, — снисходительно

рассмеялась Юля. — Неправильно считать, что название пошло даже от того, что на строительство ушло больше миллиона рублей. Мост этот построили почти 200 лет назад. Вместо клея раньше в цемент добавляли яйца. При строительстве этого моста использовали один миллион яиц. Всё просто.

Сильными руками Антон обнял Юлю, притянул к себе:

— Ах ты моя радость. Я тебя очень люблю. Откуда бы я это узнал? Мне с тобой так хорошо... Никогда не надоест.

...Зазвонил телефон. Антон отошёл от окна. Секретарь офиса чётко произнесла:

— Mr. Antuan! The new translator was sent to your department. She has just arrived from Moscow. Insists on a meeting with you... Persistent person!*

В последней фразе Антон услышал нотки раздражения. Улыбнулся. Ему нравилась строгость, с которой общалась с людьми эта американка. Никому не позволит «сесть ей на голову». Антон ценил деловые качества в людях.

Сейчас он спокойно выслушал её и произнёс:

— Please, invite her.**

Дверь открылась. На пороге, сияя от счастья, стояла его Юля. Она коротко сказала:

— Привет. Я приехала, — и шагнула навстречу Антону...

* Мистер Антуан! Вам прислали в отдел переводчиков новенькую. Она только что прилетела из Москвы. Настаивает на встрече с вами... Настырная особа...

** Пожалуйста, пригласите её.

КАРТИНА, МОРЕ, ДВОЕ...

- А ты знаешь, что дельфины разговаривают?
- Знаю, не знаю только о чём.
- О торговых караванах, о морях и океанах, где какая рыба...
- ...И ПОЧЁМ! :)

Ю. Ким

Звякнул ключ в замке. Через секунду в приоткрытом дверном проёме показалась взлохмаченная голова Веры. Игорь быстро взглянул и улыбнулся:

— Тебе идёт...

Вера встряхнула копной растрёпанных рыжих волос и произнесла:

— Ты о причёске? Я шапку сняла, сейчас посмотрю, что понравилось моему художнику. О-о-о, это невозможно! В доме аистов порядка больше. Сейчас приглашу вихры...

— Я же сказал, так лучше, — запоздало проговорил мужчина в закрытую дверь и вернулся к работе. Что-то не ладилось сегодня, рисунок не оживал, волны моря не шумели, накатывая на берег. Работа выглядела застывшей.

Сколько прошло времени, Игорь не мог сказать. Когда он рисовал, это самое время творило что хотело, ускоряло свой бег или замедляло ход, будто существовало отдельно от мастера. Почувствовав тепло за спиной, оглянулся:

— Ты?.. Я всегда узнаю тебя по дыханию.

Вера запрокинула голову и засмеялась совершенно по-детски, искренне и звонко:

— Да-а-а-а?.. А как я дышу?

— Своим голосом, — Игорь моментально отреагировал на весёлое настроение жены и улыбнулся.

— А ещё как ты меня можешь узнать, кроме дыхания?

— Вера неожиданно замолчала и застыла, задумчиво рассматривая рисунок на холсте. Игорь подошёл ближе, обнял её и сказал:

— По шагам, по звонку в дверь, по сопению в подушку, по...

Вера тронула мужа за плечо, он осёкся на полуслове, опустил руки и умолк, а она продолжила:

— Смотри, вот здесь добавь белый тон, край облака сделай светлее и откат волн прозрачней. Понимаешь меня?

— Стараюсь...

— И что это за буй в открытом море? — она удивлённо оглянулась на Игоря.

— Где? Это?.. Это голова, человек плывёт, — художник скрестил руки на груди и замолчал, вопросительно приподняв одну бровь, наблюдая за реакцией молодой женщины.

Вера всплеснула руками:

— Ты опять! Меня... бросил... в пучину волн. Зачем? Перестань... Прекрати... вставлять меня во все свои картины.

Игорь вновь обнял внезапно вспыхнувшую от негодования жену. Обхватил её крепко, легко приподнял и подержал на руках:

— Я рисовал... волны, прибой, вдруг вспомнил, как ты снимаешься на море, забегая по самое горло в воду, кричишь: «Теперь можно! Фотографируй!» Поэтому среди волн нарисовал твою голову. Ну как иначе? Тебя не было рядом... Мне не хватало мудрых советов... Но теперь я знаю, что делать дальше!

Он поставил Веру на пол. Взял палитру и на картине «растрепал» рыжими красками причёску плывущей среди волн женщины.

Сюжет внезапно ожил. Будто послышался шум волн, коротко вскрикнула чайка, лиц зрителей коснулся лёгкий бриз...

Двое посмотрели друг на друга, и он, внимательно глядя в её нежное личико, неожиданно произнёс:

— Стесняюсь спросить, ты в детстве веснушки на лице ластиком стирала на зиму?

Она потеряла на мгновение дар речи, заколотила ру-

ками по мощной груди мужа. Игорь, смеясь, легко подхватил Веру на руки.

Они закужили по комнате, потеряли равновесие и упали на диван...

Что дальше? Ну вы же знаете...

Крым, 2015

ТЫ МНЕ СНИШЬСЯ

— Ну что ты говоришь? Ты мне уже снишься каждую ночь!

Среди монотонного гула компьютерных вентиляторов слова молодого сотрудника нашего отдела прозвучали каким-то откровением на грани нервного срыва. Я не прислушиваюсь к телефонным разговорам коллег. Но эта фраза зацепилась за сознание и заставила оторваться от экрана монитора и посмотреть на Антона.

Почувствовав мой взгляд, Антон кивнул. Закрыв рукой динамик телефона и коротко пояснил:

— Я с мамой разговариваю...

Я отвернулась к монитору. Защемило где-то глубоко, в самом сердце. Подумала: «Как же приятно маме Антона услышать такие слова».

Обычно мужчинам, молодым и не очень молодым, снятся любимые девушки, женщины, жёны. И вдруг слышу — «МАМА»... Какой хороший сын — Антон.

Он появился у нас полгода назад. Приехал из другого города. Отслужил армию, женился на москвичке, к слову, очень красивой девушке. На работу они приезжали вместе, так же вместе уходили на обеденный перерыв, часто коротко перезванивались во время работы. Меня покорило его отношение к любимой. Ради неё он уехал из родного дома, где был единственным сыном. Очень тосковал по родным, по южному солнцу, морю. Вспоминал родителей, друзей. Часто рассказывал о них. Очень красочно говорил о еде, приготовленной его мамой или бабушкой. Мы с удовольствием всем отделом ели варе-

нье из южной ежевики, сваренное бабушкой Антона. Я такую крупную ежевику видела раньше только на фото.

Эта его фраза маме «ты мне снишься» занозой засела в голове. Я знаю, что мои дети любят меня. Но как бы хотелось это слышать! В детстве старший сын подписал мне поздравительную открытку от себя и брата: «Мы тебя очень любим». Сейчас мой повзрослевший сын обязательно из поездок что-то привозит специально для меня. К примеру, сейчас мы пьем совершенно немыслимый китайский красный чай. Он спрессован в брикеты и завернут в листья бамбука. Я никогда такой не видела. Люблю вкус хорошего чая. И всегда прошу, чтобы мне его привезли. В нашей стране давно утерян вкус индийского чая «со слонами». Я благодарна сыну.

Любовь, как известно, чувство взаимное. Чтобы слышать о ней, надо много отдавать. Детям особенно. Тогда из них вырастают любящие сыновья и дочери.

Мне больше нечего добавить.

Могу только повторить. Давайте будем любить своих детей и воспитывать так, чтобы однажды услышать: «ТЫ МНЕ СНИШЬСЯ, МАМА!»

ТЮЛЬПАНЫ В ОКТЯБРЕ

Марина сидела за столом и задумчиво разглядывала цветы. Она поворачивала вазу с букетом вправо и влево. Малиновые бутоны тюльпанов ласково касались её лица и мелькали перед глазами.

Уму непостижимо! Откуда взяться первым весенним цветам в середине осени? Ясно, что это чудо привезено из Голландии. Марина побывала в этой сказочной стране. И видела кусты роз, которые растут прямо на камнях под окнами разноцветных домов голландцев...

Её тюльпаны были необыкновенными. На каждом стебле по три-четыре бутона. Такие цветы называют кустовыми. Ей подарил этот букет знакомый при встрече. Просто так. Потому что они давно не виделись и ему за-

хотелось её чем-нибудь порадовать. Они встретились после работы. Марине много лет не дарили цветы «просто так». Из года в год ей традиционно вручались тюльпаны весной на 8 Марта и красные розы летом в день рождения.

Красные розы хороши, но она любила светлые — чайные розы. Марина была удивлена вниманием.

— Ничего странного в этом нет! — сделала вывод её подруга на работе. — Ты себя со стороны видела?

Марина с сожалением взглянула на подругу и пожала плечами:

— Со стороны как-то не приходилось. В зеркало — да, каждый день!

— Ну и-и...

— Что? В зеркало вижу старую клячу.

Подруга поперхнулась чаем и выронила из рук бутерброд:

— Опять?! Ты зачем на себя наговариваешь?!

— Ну ладно, ладно. Пусть красивая. Но всё равно... кл...

— Да тебя за одни глаза инквизиция сожгла бы на костре! — заорала её продвинутая подруга и решительно подвела черту:

— Значит, ты ему просто понравилась. Всё, иди работай свою работу и не расстраивай меня.

— Ты так считаешь?

— А ты что, сомневаешься в себе? Помнишь, тогда, в магазине?..

Марина улыбнулась. Случай с ней произошёл забавный.

В обеденный перерыв в магазине, набрав полную тележку продуктов, она ожидала свою очередь в кассу. Попыталась подсчитать стоимость продуктов. Цифры путались и расплзались. Денег в кошельке было не много. Марина оставила эту затею, решив просто выложить на кассе лишние продукты. Когда кассир назвал сумму, стало понятно, что денег ей не хватит. Она сказала:

— Тогда я не буду брать это печенье и яблоки. Отложите их, пожалуйста.

Неожиданно за спиной раздался чуть хриловатый мужской голос:

— Ничего не убирайте. Я заплачу.

Марина на секунду замерла. Оглянулась. На неё смотрел невысокий крепкий мужчина. Она рассмеялась и очень находчиво спросила:

— А можно я ещё возьму курицу и пару килограммов мяса?

Незнакомец рассмеялся:

— Вам можно всё...

Она уже слышала эту фразу. На короткое мгновение память унесла её ещё дальше, на несколько лет назад.

...Они сидели со старым приятелем, её бывшим одноклассником, в ресторане. Вспоминали общих знакомых, рассказывали о своих семьях. Одним словом, сплетничали и жаловались друг другу. Под тарелками на столах лежали пластиковые салфетки с забавными рисунками-комиксами, рассказывающими о «сумасшествии» на кухне. Она спросила:

— Можно мне взять с собой такую салфетку?

— Тебе можно всё! — ответил её спутник.

Он подозвал официанта и попросил включить в счёт стоимость салфетки. Через секунду она получила её, перевязанную ленточкой. Продвигаясь к выходу, Марина видела взгляды и улыбки, обращённые к ней. У самой двери молодой администратор, глядя прямо в глаза, сказал:

— Будем рады видеть вас в нашем ресторане.

И неожиданно заговорщицки подмигнул.

Марина опешила:

— Ты видел? Этот мальчик мне подмигнул. Будто девочке, своей ровеснице!

Её друг рассмеялся:

— Тебе ничего не надо делать для того, чтобы нравиться мужчинам! Только быть собой.

Дома она получила нагоняй от сестры:

— Ты зачем выпросила эту салфетку?

Марина парировала:

— Она мне понравилась.

Сестра недоумевала:

— Ты больше ничего не могла придумать? В тебе прочно укоренился совок. Одноразовые тарелки и стаканы — в дом. Всё в дом! Авось пригодится.

Марина слабо отбивалась:

— Там не было одноразовой посуды. Это был австрийский ресторан. В него, говорят, очень трудно устроиться на работу. Все официанты с высшим образованием, владеют несколькими языками.

Но её сестра не унималась:

— Слава богу! Иначе бы ты притащила домой весь сэконд-хэнд.

Марина не обиделась:

— Мы так хорошо посидели! Была живая музыка. А официанты, представляешь, строили мне глазки.

...Очнувшись от воспоминаний, Марина услышала недовольные голоса в очереди. Заминка у кассы затянулась. Всё это время Марина не переставала искать деньги в сумке. Зная собственную рассеянность, она не теряла надежды. Так и есть! В боковом кармане нашла двести рублей. Как раз хватило, чтобы расплатиться. Она вышла из магазина и поспешила на работу. Обеденный перерыв заканчивался, оставалось минут пять.

Её догнал тот самый мужчина:

— Давайте ваши сумки. Я подвезу вас.

Марина ответила:

— За одно только «я заплачу» я вам уже благодарна. Это было феерически. Спасибо вам. Здесь близко.

— Мне было бы приятно вам помочь... Ну как хотите.

Мужчина попрощался и пошёл к своему джипу. А Марина встряхнула тяжёлые сумки и красивой походкой пошла на работу, досадливо думая про себя: «А могла поехать на этой сказочной машине».

...Она вдохнула свежесть тюльпанов. Вспомнила искрящиеся глаза знакомого. Почувствовала странное волнение. Давно забытые ощущения. Немцы такое состояние называют «бабочки в животе». Приятная эйфория чувств.

Она не понимала, почему он пришёл. Станиславский бы в такой момент поддержал её: «Не верю!» Была удивлена. И не могла объяснить, что чувствовала.

Она казалась себе героиней из сказки Маршака «Двенадцать месяцев».

Тюльпаны в октябре...

Подснежники в декабре...

Цветы запоздалые...

Дарите своим любимым женщинам весну чаще, уважаемые мужчины! Дарите цветы круглый год!

Получать их от вас «просто так» очень приятно.

Октябрь, 2009 г.

ЖЕНЩИНА И КОШКА

Мягкая поступь кошки. Изумительная грация. Красивый силуэт. Плавные изгибы тела. Взгляд из-под полуприкрытых ресниц или широко распахнутые глаза. Грация, нежность, красота.

О ком это я? О кошке? Нет, о женщине. Как же много общих черт у кошки и у женщины... Можно говорить об одной, а подразумевать другую.

Утром, просыпаясь, кошка потягивается, как человек. Девушка тянется, как кошка. Мягко ступает на пол, грациозной походкой идёт на кухню. По дороге смотрит в зеркало, нравится сама себе, несмотря на беспорядок на голове и пока ещё плохо открытые глаза. Смешно зевает. Так же, зевая и потягиваясь, на кухню входит кошка. Кто из них главней в доме — ещё надо разобраться. Удивительные создания — кошки. Не устаю любоваться ими. Сколько красоты, грации и гордости в этих маленьких существах. Когда смотрю на кошку,

с интересом наблюдаю её мягкую походку, прищуренный, оценивающий, очень женский взгляд. Её походка напоминает шаги модели по подиуму. Она не просто идёт, а преподносит себя. Кошка очень мягко и грациозно перебирает своими лапками.

Маленький сын спросил:

— Мама, кошка хвостом управляет?

Нет предела удивлению и восхищению вопросам детей. Теряюсь в поисках умного ответа и только улыбаюсь. Малыш уточняет:

— Ну когда она идёт и ей надо повернуть, она хвостом управляет?

— Наверное, не знаю...

Очень верно размышляет малыш. Иногда своими вопросами или ответами они загоняют нас в тупик. Самолёту нужен хвост, чтобы поворачивать, балансировать. Для движения, одним словом. Значит, и кошке он нужен при ходьбе. Может, как раз для балансировки.

О кошках я прочитала много интересной литературы. И об особенностях, что три цвета в окрасе присущи только кошкам, но никак не котам, я хотела рассказать сыну.

Мы шли по дороге. У подъезда сидела самая обыкновенная кошка. О, удача! Окрас Мурки как раз был трёхцветным. Я решила блеснуть своими «углублёнными» познаниями:

— Смотри, это кошка.

Сын молча продолжал идти.

Я не унималась:

— Посмотри, это кошка.

Взрослый ответ пятилетнего мальчугана сразил наповал:

— Мам, я вижу, что это не собака...

Сейчас, когда мне вспомнился этот эпизод, я зашла в комнату к сыновьям. Старший сидел за компьютером. Младший, лёжа на диване, читал «Записки кота Шашлыка» Александра Экслера. Не примите за рекламу, но история в книге занимательная. Эту книжку он взял у меня почитать.

— Кто из вас, когда был маленьким, интересовался кошачьей походкой?

Отозвался старший:

— Наверное, я. Мне и сейчас интересно наблюдать, как они ходят.

Младший поднял глаза над книгой:

— И мне, мне расскажите!

Я продолжила:

— А про три цвета в окрасе кошки помнишь, как я тебя «удивила»?

— Нет, ты мне про это не рассказывала! Ну-ка, ну-ка, интересно.

— Ты просто маленький был, вот и забыл...

Мальчишки начали хохотать:

— Мам, откуда ты столько разных историй знаешь?

— Пока вырастишь вас, не то узнаешь, — проворчала я, закрывая дверь.

В английском языке есть выражение «сардонически усмехаться, как Чеширский Кот». Когда-то в маленьком графстве Чешир продавали сыры, похожие на голову улыбающегося кота. Поговаривали, что над высоким званием крохотного графства «смеялись даже коты». В графстве Чешир родился Льюис Кэрролл — автор знаменитой повести «Алиса в Стране чудес». Среди персонажей «Алисы...» был Чеширский Кот, постоянно ухмыляющийся и умеющий постепенно растворяться в воздухе. От него оставалась на прощанье лишь одна улыбка.

К чему я это рассказываю? Люди со временем очень сильно меняются. Когда я через двадцать лет встретила знакомого, он меня не узнал. О встрече мы договорились по телефону. Потом он мне рассказал:

— Смотрю — передо мной незнакомая женщина... Привет — привет... Как живёшь? Как дом, семья?

И только когда я улыбнулась и рассмеялась, он воскликнул:

— Уф-ф! Теперь узнал. Да от тебя только одна улыбка осталась.

Вот ведь как. Прошло каких-то два десятка лет, а от

меня прежней лишь улыбка. И не узнаёт никто. Жизнь течёт, всё меняется. Мы меняемся до неузнаваемости.

...Приручили кошек египтяне, которые использовали их для борьбы с грызунами. Случилось это примерно пять тысяч лет назад. Кошек почитали, считая «священными животными». За их убийство наказывали смертью. Древние люди считали, что по степени загадочности и таинственности с кошкой может сравниться только женщина. Ловкость, красота, независимость сделала кошку верной спутницей женщины. Кошка «гуляет сама по себе», не признаёт авторитета хозяина. В лучшем случае он равный ей.

Кошки — очень бесстрашные животные. Я однажды наблюдала из окна первого этажа такую картину. Лето. Жара. Наш кот лежал под кустом жасмина среди травы и жужжащих насекомых. Нежился на солнышке. Вдоль дома бежала собака. Учуяв кота, запнулась, притормозила и, скорее всего, от страха, на всякий случай, начала лаять. Кот продолжал лежать. Только уши чуть приподнял. Глупую собаку возмутило кошачье равнодушие. Она подошла ближе и опять противно залаяла. Тогда кот медленно поднялся, замер на секунду и вдруг стремительно подлетел к собаке и когтистыми лапами отлупил её по морде. Жалобно тявкая, собака зигзагом полетела к своей хозяйке. А мой кот вразвалку, походкой боцмана, вернулся к своему кусту и опять лениво развалился на солнышке.

...Кошки самые ленивые млекопитающие. Они спят шестнадцать часов в сутки. Когда я узнала об этом, подумала: «Как хорошо! Побывать бы кошкой хотя бы недельку. Отоспаться! Что может быть лучше сна? Только сон».

Кошки никогда не мяукают друг с другом. Этот звук специально для людей. Так женщины не любят других женщин. Любая женская дружба чаще всего разбивается об острые края конфликтов и зависть.

Чем больше вы говорите с кошками, тем больше они говорят с вами. Кошки понимают тон голоса. Они сильно обижаются на резкую речь. И помнят обиду. Я была

ребёнком, нечаянно отдала коту лапу. Вместо ласково-почтительного «Примите мои извинения, Сэр» я заорала: «А ты вечно под ногами!» Через какое-то время даю ему еду. Не ест. Морду отворачивает, в глаза не хочет смотреть. Я удивилась: «Что такое? Ты так обиделся?» Рукой поворачиваю его морду к себе. Смотрю, а у него брови нахмурены. Несколько дней хмурился. Память у них хорошая. Очень по-человечески, надо признаться. Только не люблю я многодневных молчанок. От этого страдают не только те, кто поссорился, но и все вокруг.

Положив руку на сердце, признаюсь, кошек в доме не люблю. Всю мягкую мебель передерут. Обои сдерут. И бороться с ними бесполезно. Назло будут пакостить ещё больше. Так и женщины – всю душу мужчине измощают, острыми коготками сердце исцарапают. Это чисто субъективное мнение, у меня сыновья. Кто-то может не согласиться.

...Лёгкой кошачьей походкой идёт женщина по жизни. Её трудно понять. Да и стоит ли? Она сама не знает, что может сделать в следующий момент.

Взгляните на кошку, может быть, тогда вы сможете разгадать женщину.

КРАСИВАЯ ДЕВУШКА В РОЗОВОМ, ОТЗОВИТЕСЬ!

Своей несовременностью и нелепостью это объявление удивило и немного шокировало. Ещё как-то слегка восхитило. Я читала и улыбалась. Может, время рыцарей не прошло? Есть ещё на свете романтики и чудачки. Без них наш мир был бы пустым, безликим, чёрно-белым и безрадостным...

Прочтите сами – и вы всё поймёте. Вот текст объявления:

«Красивая девушка в розовом, отзовитесь! Мы ехали с вами 11 октября от станции метро «Калужская» до «Октябрьской» около четырёх часов вечера. Вместе вышли и перешли на Кольцевую. Вы поехали в сторону «Добры-

нинской», а я в обратную. Вы были в розовой куртке и розовых спортивных штанах, а я был в бежевой куртке. Наши взгляды часто пересекались. Извините, что не пошёл. Если вам тоже хотелось бы меня увидеть, пишите XXXXXX@gmail.com. Вадим».

Что вы подумали, прочитав это? Наверное, то же, что и я: «Вот чудак!» Сколько девушек-видений в розовом ехали 11 октября от станции метро «Калужская» до «Октябрьской» около четырёх часов вечера? Надо было хватать свою принцессу за руку в тот день, 11 октября, загородить ей дорогу и познакомиться, как это сделали мои друзья.

...Ирина шла по переходу метро. Навстречу торопился Олег. Она начала обходить его слева, парень подался в ту же сторону. Ира маневрировала вправо. Он тоже. Всё произошло стремительно. И эти двое неизбежно столкнулись. Ира выронила из рук чертежи, папку с курсовой, что-то ещё... Олег помог ей всё собрать и... больше не отпустил.

Вот так-то, уважаемый Вадим. Бежать надо было за девушкой в розовом, а не бессмысленно переглядываться и «сидеть на белом облаке, свесив ноги вниз». Но я вас понимаю. Есть такая особенность у некоторых мужчин — начинать думать и что-то предпринимать, когда потеряют. Мы живём в современном мире, у вас есть мобильный интернет, вы заняты на работе, и вам негде познакомиться с девушкой. Мне эта проблема близка, потому что у меня сыновья. Так что, если в следующий раз перед вашими глазами мелькнёт розовое видение, не теряйтесь, а бросайтесь вдогонку, очертя голову и отбросив все условности, болтайте милую чепуху и очаровывайте её своим красноречием. Будьте смелее. Скажу больше, будьте наглым, Вадим. Вот тогда вам повезёт. Розовая мечта будет с вами. Желаю от души. И улыбнитесь, наконец, читая эти строки...

Я закрыла газету бесплатных объявлений. Рабочий день подошёл к концу. Пора собираться домой. Подняла глаза на Татьяну, которая крутилась перед зеркалом, надевая новую шапку и шарф. Цвет обновок был розовым. В продолжение своих мыслей осторожно спросила:

— Ты на «Калужскую»?

И услышала её ответ:

— Нет, на «Добрынинскую».

Р. С. Почему девушка в розовом? Наверное, цвет мечты... Объявление слово в слово переписано из газеты, и совсем не из раздела «юмор». Только почтовый адрес Вадима я не стала передавать, понятно почему, чтобы другие девушки не беспокоили...

НИ О ЧЁМ МЕНЯ НЕ СПРАШИВАЙ... 8 МАРТА – ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Сегодня на улицах города очень много женщин с букетами цветов в руках. Такую «цветастую» картину можно наблюдать только один раз в году, в самом начале весны — в День Восьмого марта. Нынешнее наступление весенних дней завьюжено метелями, снегопадами, зима не сдаёт свои позиции, мы мёрзнем и стремимся в тепло. Я возвращалась с работы и рассматривала цветочные букеты. Они были разные — розы, хризантемы, шикарные «корпоративные» и просто скромные тюльпаны. Причём букеты из тюльпанов, самых разнообразных оттенков, преобладали. И на фоне цветочного великолепия выделялись искрящиеся глаза женщин. Нам не много надо для счастья. Всего лишь каплю мужского внимания...

С некоторых пор я стала любить тюльпаны. Удивительно, что они по три-четыре дня стоят в вазе и не роняют свои лепестки. Ясно, что это какие-то особенные голландские сорта. Кстати, я видела тюльпаны в Голландии — они не отличаются от тех, что сейчас в руках наших женщин. Приятно, что стало возможным купить их в нашей стране. Я тоже несла цветы. На улице шёл снег,

шквалистый ветер сбивал с ног. Знакомая посоветовала опустить букет бутонами вниз, чтобы тюльпаны не замёрзли и не сломались. А мне настолько нравятся счастливые лица женщин в окружении цветов, что я ответила:

— Нет, хочу так, — и ещё крепче прижала цветы к себе. В метро зарылась лицом в тюльпанные бутоны и дышала ароматом зелени и весны...

Истории, которые хочу рассказать, происходили в разные годы, но их объединяет один день — 8 Марта. По статистике, среди населения планеты Земля большинство — женщины. Для нашей страны это просто национальная особенность. Женщины России крепки и нестигаемы. Продолжительность жизни женщины дольше, чем у мужчины. Становится понятным, почему коллективы государственных предприятий в основном женские. Если и встречаются среди них мужчины, то их очень-очень мало. Занимают те мужчины начальственные посты, а это нервы, стрессы и инфаркты. Я не знаю, как читатель отнесётся к тому, что я расскажу. Может, не всем женщины в них покажутся привлекательными. Но мне нравится сильный характер слабых женщин, умение радоваться жизни и противостоять неприятностям. Происходило это в исключительные дни, когда женщине можно простить многое, если не всё!

Итак, слушайте. Случилось это в электричке в те годы, когда в дефиците была не только хорошая одежда, но и еда. Нищета толкает людей на разные некрасивые поступки. Я говорю о воровстве. Начало той весны выдалось морозным. Люди, как и сейчас, одеты были в тёплые шубы и меховые шапки. Дорогие шапки как раз и были предметом частого нападения грабителей.

Две пожилые подруги возвращались домой после весёлого празднования женского дня. Они неспешно шествовали не совсем твёрдым шагом с букетами цветов в руках и увлечённо вели душевную беседу. Вдруг к ним сзади подошёл мужчина, обнял за плечи и спросил:

— Девчонки, шапки нужны?

Женщины в недоумении пожали плечами и дружным, нестройным, разноголосым хором ответили:

— Не н-у-ж-н-ы!

В тот же момент мужик срывает с головы одной из женщин шапку и убегает вперёд. Подруги пытаются его догнать, но всё безрезультатно. Расстроенные, они садятся в электричку и не могут успокоиться. Напоминаю, что для Москвы электричка — городской транспорт. Одна из женщин выходит на несколько остановок раньше другой. Её подруга переживает дальше одна. Вдруг она видит сидящего у окна мужчину в лисьей шапке. В воспалённом мозгу огорчённой дамы рождается план по защите собственности. Ей кажется взгляд мужчины странно хищным. Она сидит будто на иголках, всё больше себя накручивая. Мужчина встаёт и выходит в тамбур курить. Женщина думает: «Точно, ворюга! Выжидает, когда я буду проходить мимо».

Тем временем электричка подходит к остановке, недалеко от которой жила дама. Она поднялась со своего места и медленно двинулась к выходу. Поравнявшись с мужчиной, делая шаг из вагона на улицу, быстро снимает шапку со своей головы, прижимает её к груди и с боевым криком «Врёшь — не возьмёшь!» резко поворачивается назад, молниеносно выбрасывает руку в направлении мужчины и... срывает с него ушанку. В ту же секунду двери закрываются. Удивлённое лицо мужчины уплывает в окне уходящей электрички. На тёмном пустом перроне осталась обалдевшая от собственной наглости женщина с двумя меховыми шапками в руках, норковой и лисьей... Дома на вопрос мужа: «Откуда шапка?» — неопределённо махнула рукой и сказала:

— Ни о чём меня не спрашивай!.. Мы сегодня на работе женский праздник отмечали... а шапка — тебе...

Ещё одна дама (из соседнего отдела) предстала перед изумлённым взглядом супруга после празднования на работе женского дня в грязном пальто, с букетом из трёх сломанных тюльпанов в руке. Как потом выяснилось,

всю дорогу домой она падала. («Да потому что на улицах скользко и убирают плохо!») С той же самой фразой «Не спрашивай меня ни о чём» прошествовала мимо удивлённого мужа прямо в спальню и рухнула на кровать в одежде и сапогах, не выпуская из рук тюльпаны. Мгновенно уснула. Негодующий супруг, стаскивая с ног жены сапоги, тормозил её и ругался:

— Где ты была? Где ты так напилась!

В ответ слышал только недовольное бормотание:

— Ни о чём меня не спрашивай!.. Всё завтра...
СЕГОДНЯ У НАС — ВОСЬМОЕ МАРТА...

Этот рассказ о себе дама услышала от возмущённого супруга наутро. И не смогла поверить!

Я всегда была уверена, что ничего подобного и экстремального со мной не может случиться. Накануне праздника мне позвонила подруга, приехавшая из Риги. Когда открылась дверь, я увидела ещё одну нашу общую знакомую. Очень обрадовалась. Мы не встречались много лет.

— Светик, скорей проходи! Женский день отмечаем.

И наливают мне рижский бальзам. Я пытаюсь отбиться, что не пью чистый бальзам. Куда там!

— Ты поздно пришла. Кока-кола мы уже выпили! Давай по пять капель за нас. За единственных и неповторимых... Целебный натур-продукт до дна!

Потом ещё по пять капель... И ещё с рижским особенным сыром, обсыпанным тмином. (Вкус сыра был божественный!) «За любовь» и «На посошок».

Стало тепло. Уютно. Разговоры полились рекой. Мы вспоминали общих знакомых. Было шумно, легко и весело...

Домой от подруги мне надо добираться с пересадкой у метро на двух разных автобусах. Но в тот предпраздничный день автобусов было мало. Подошла маршрутка. Я стала открывать дверь. Не смогла. Безрезультатно рвала ручку ещё и ещё. В салоне никого не было. Выпрыгнула пассажирка с переднего сиденья. С силой рванула на себя входную дверь. Опять результат — ноль. Быстро

вылез водитель, почему-то через пассажирское место. Пару раз сильно рванул дверь и открыл её. Запрыгнул в маршрутку, опять перемахнул через пассажирское сидение на своё водительское место. Хочу заметить, что маршрутка во время всего этого странного действия не останавливалась, а продолжала медленно двигаться вперёд. Даже без водителя за рулём. Мы втроем её догоняли! На бегу вспомнила героев комедии «Наверно, боги сошли с ума!». В ней как раз героини перемещались на похожей машине. Водитель выбежал из движущегося авто. Хватал придорожный камень и бросал его под колесо вместо тормоза. У нас была немного другая, но родственная ситуация. Мы так шустро запрыгивали в маршрутку и выпрыгивали из неё, что я удивлялась собственной прыти (рижский бальзам!!). На ходу вскочила в салон. Закрывает дверь. И, наконец переведя дух, впервые здраво подумала: «Сошла с ума! Куда я лезу в разваленный, неисправный драндулет? Скорее бы доехать...»

Ехали мы так же быстро, как и садились. Без тормозов. Со скоростью звука...

К счастью, всё обошлось благополучно. Вошла в дом испуганная, с широко открытыми глазами. И на ехидный вопрос любопытного мужа:

— Как поспраждновали? — ответила:

— Ни о чём меня не спрашивай...

Конечно, в этих историях некоторые моменты я сильно преувеличила. Но почти всё так и было. Такие мы, женщины. Если верим, то искренне и самозабвенно, если любим, то до потери сознания и без остатка, если празднуем, то до упаду и безудержного веселья!

Сегодня наш праздник. Женский день — 8 Марта. Единственный в году. Праздник цветов, общения и подарков.

От души желаю всем счастья.

БЕЗГРАНИЧНОГО СЧАСТЬЯ ВАМ, МИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ!

БЕССТРАШНАЯ КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Никто в нашей жизни не застрахован от неприятностей. Любых, больших или маленьких. Справляются с ними по-разному, у кого сколько сил. Но бывает такое состояние, когда по необъяснимым причинам силы человеческие удваиваются. Чаще это возникает при угрозе жизни. А когда опасность остаётся позади, участник действия не может объяснить своё поведение, не может поверить в собственные аккумулированные силы, с трудом верит, что справился с опасностью самостоятельно.

Возвращалась Марина осенним вечером домой. Известно, что ноябрьские вечера больше похожи на ночи. Все торопятся в темноте поскорее добраться до дома. Улицы быстро становятся пустынными. Дорога Марины лежала через старый парк. В тёмное время суток зимы или осени в одиночку здесь никто не ходит. Так случилось, что Марине пришлось задержаться в тот вечер. Коллеги её не подождали, тёмные аллеи парка опустели. Марина пошла одна... Тусклые фонари раскачивались от ветра, деревья отбрасывали причудливые пугающие тени...

А наутро, окружённая знакомыми, она рассказала о своих злоключениях:

— Иду я через парк. Быстро иду. Вокруг никого. Темнота. Вдруг передо мной мужик появляется. Он, как я потом поняла, из этих... придурков больших. Как их... Господи, забыла! Слово заковыристое.

— Я понял, эти... в плащах, — подсказал ей начальник соседнего отдела Андрей Петрович и изобразил на себе распахнутый плащ.

Начитанный Павлик поправил очки, сморщил нос и уточнил:

— Эксгибиционисты!!

А Марина, быстро кивнув, продолжала дальше:

— Я даже испугаться не успела! Настолько всё бы-

стро произошло! Представила себе этого идиота перед своими дочками — и такая на меня злость напала! Вы не представляете, как я заорала матом на этого эсги... тьфу!.. идиота. Даже не знаю, откуда я столько матерных слов знаю? Всё вывалила ему на голову. Я так его стыдила, столько эмоций вложила в свой гнев, что больной тип попятился, физиономия его вытянулась, он развернулся и прочь побежал!

— Ну а ты, бегом домой? — с облегчением выдохнув, поинтересовались переживающие происшествие коллеги.

— Не поверите! Погналась за этим эсби... тьфу его!

Павлик молниеносно подсказал:

— Эксгибиционистом!

— Да, за ним! — мгновенно подхватила Маришка.

— И как? Догнала? — ахнула мужская часть отдела.

Маринка рассмеялась:

— Нет, прытким оказался гад. Но если бы догнала, покалечила бы точно.

— Да-а, — разочарованно протянули слушатели, — жаль, что ты его не догнала!.. Маришка, ты, оказывается, смелая! Может, и тигра не испугаешься? — беззлобно шутили коллеги.

Марина, смеясь, отбивалась:

— Может быть. Не знаю я. Но если бы тигр напал на моих девчонок, порвала бы его шкуру на лоскутки. Это точно!

Вот такая она — Марина. Посмотришь — маленькая, хрупкая женщина. Удивляешься: откуда такой сильный характер?

Разные истории с ней приключаются постоянно. Она, будто магнит, притягивает их к себе.

Вот совсем недавно опять...

Возле самого дома её обокрали. Напавший грабитель сбил её с ног, отшвырнул Марину в сторону, вырвал сумку и скрылся.

Денег в кошельке было не много. Марину расстроило не это. В сумке были все документы — паспорт, банковская карта, пропуск на работу, свидетельство о рождении младшей дочери и паспорт старшей. Марина собиралась оформить загранпаспорта семье.

Грабитель растворился в тёмных переулках со скоростью звука. След простыл мгновенно...

Много сил и времени потратила Марина на восстановление украденных документов. Было бесконечное хождение по самым разным инстанциям. Это и уходы с работы, недовольство начальника, неприёмные дни, бесконечное «зайдите завтра», «звоните».

И вот наконец после двухмесячных мытарств Марина вышла из паспортного стола родного отделения милиции. Ещё раз взглянула на своё фото в новеньком паспорте, закрыла его и спрятала в сумку. Проходя мимо злополучного двора, инстинктивно крепче прижала её к себе. И, надо же было так случиться, откуда-то из подворотни выскочил плохо одетый юркий мужичонка. Схватился за сумку Марины, рванул на себя и повис. Марина крепко держала сумочку. Дядька опешил. С силой толкнул маленькую женщину и вырвал бесценный груз из её цепких рук.

Что тут началось... Маринка взвыла! Нет, это был не испуг. Она представила себе, что придётся ещё раз пройти все круги бюрократического ада, заново восстанавливая документы. Бесконечные очереди и непроницаемые лица чиновников... Марина так сильно разозлилась, что кинулась догонять своего обидчика. Я не знаю, как она собиралась одолеть здорового детину? Но не только догнала, а и с кошачьей прытью запрыгнула ему на спину и стала колошматить своими тонкими руками-веточками. Мужик просто обалдел, вдруг споткнулся, упал, выпустил сумку из рук, вскочил на ноги и неожиданно превратился из нападавшего в жертву. Короче, побежал негодяй прочь от «бешеной фурии». Что же Марина? Думаете, успокоилась? А, вы уже поняли, что за характер у этой бесстрашной женщины? Да, точно! Она полетела

вдогонку, и я не знаю, что произошло бы, догони она злодея... Грабитель позорно скрылся с места преступления.

Когда она рассказала об этом на работе, слушатели сочувственно качали головами. Финал мог быть совсем другим. Об этом не стоит забывать.

- Марина, ты дура!
 - Почему это я дура? – обиделась Маришка.
 - Он мог тебя покалечить.
 - О боже, он мог меня покалечить. Какая же я дура!..
- Всё хорошо, что хорошо кончается.

Я рада, что Марина оказалась в этих историях победителем. Она защитила себя, насколько хватило сил, отомстила и, к счастью, оказалась на высоте.

ТАК ЧТО, ЕСЛИ ВАМ БУДЕТ НУЖНА ПОМОЩЬ, ПОЗВОНИТЕ МАРИНЕ!

ДУША МАЛЫША

Сегодня мне рассказали забавный жизненный эпизод. Одна сотрудница нашего отдела — многодетная мама. И когда она была в ожидании появления на свет третьего чада, то не стала объяснять двум сыновьям, почему так сильно изменилась внешне. Старший, девятилетний сын, вопросов не задавал. А младшего, четырёхлетнего малыша, постарался «подготовить» папа. Он открыл сыну простую истину по-мужски, без прелюдий:

– Ты знаешь, у нас скоро будет ребёнок... Только это тайна и мы пока никому не скажем.

Надо было видеть глаза мальчика в тот момент:

– И даже МАМЕ НЕ СКАЖЕМ?!

Малыши покоряют взрослых своей искренностью и доверчивостью.

А какие у них улыбки! Полмира можно отдать за добрые улыбки детей...

Ехали мы недавно с друзьями в «Золотой Вавилон», что на проспекте Мира. Снег валил крупными хлопьями. Дороги не успевали убирать. Машины буксовали в снежной каше. Все немного нервничали.

И только главный пассажир, двухлетний Максим, получал от путешествия удовольствие. Глядя на заснеженный пейзаж, он напевал задорное:

— Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а-а-а!..

Поясню читателям: дядя Вова приходится самым настоящим дядей малышу, то есть Вова — родной брат мамы маленького Максика. Я однажды увидела, как Володя и Максим собираются на улицу. Долго уговаривать их не пришлось. Быстро оделись, двухметровый Вова «сложился», взял крошечного племянника за руку, и они исчезли за дверью гулять на детской площадке НА ДОБРЫХ ДВА ЧАСА... Стало понятно: эти родственники обожают друг друга, — и песенка стала тому подтверждением:

— Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а-а-а!..

Папа Максима, управляя автомобилем, немного обиженно произнёс:

— А про папу песенку знаешь?

Мальчик, не меняя тональности, а только мотив, охотно запел:

— Папа, папа-а, папа-а-а! Папа, папа-а, папа-а-а! Папа, папа-а, папа-а-а!..

И неожиданно для нас самостоятельно вернулся к любимому рефрену:

— Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а!..

Мы расхохотались. Моя подруга повернулась к сыну:
— Спой, пожалуйста, про маму песенку!
Макс моментально поменял ритм:
— Мама, мама, мама-а-а! Мама-а, мама-а, мама!
Мама-а, мама-а, мама!..
Довольная мама, улыбаясь, подхватила припев песни:
«Мама, мама, мама-а-а!..»
А Максим вдруг опять перескочил на любимый джазовый мотивчик.
И мы услышали уже знакомое:
— Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а! Дядя Вова, дядя Вова, дядя Вова-а-а!..

МЫ СДЕЛАЛИ ИХ

Промозглый осенний вечер торопил с работы домой. Как осенние листья, гонимые ветром, народ спешил из метро к автобусам и маршруткам.

Мне не хотелось долго стоять на пронизывающем ветру. На остановке томилась в ожидании своих пассажиров полупустая маршрутка. Я открыла дверь и вошла в её тёплый салон. Все сидели молча, нетерпеливо поглядывая на тех, кто шёл от метро. Маршрутное такси очень медленно заполнялось, в основном люди торопились к автобусам. Когда оставалось всего два или три свободных места, вошёл немолодой мужчина, замотанный в сине-красный «фановский» шарф московской футбольной команды ЦСКА. Он был слегка навеселе. Покачиваясь, пробрался в середину и устроился у окна. А так как я сидела лицом ко всем пассажирам, то хорошо видела, что дядьку подмывало поделиться с народом какой-то новостью. Он пожевал губами, крякнул и с удовольствием произнёс:

— Мы СДЕЛАЛИ их!

Я с любопытством следила, что будет дальше. Мужчины оказались в курсе, они зашевелились. Немного оживились, и кто-то спросил: «Какой счёт?»

Пожилой фанат, никого не слушая, продолжил свою глубокую мысль, стараясь чётко выговаривать слова:

— КУЛЬТТУРНУЮ столицу, так сказать!..

Заулыбались все. Мужской голос с последнего места озвучил счёт игры. В маршрутке стало будто ещё теплей. Я подумала: «Это хорошо, хоть в чём-то быть впереди культурного Санкт-Петербурга!»

Машина тронулась с места. Дядька ещё раз удовлетворённо крикнул, хмыкнул, но больше ничего не добавил. Всю дорогу он гордо восседал на своём месте, занятый собственными мыслями. Изредка раскачивался и мычал себе под нос что-то «фанатское». Самое значительное уже было сказано...

Победители ехали домой.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЁТ И КРАСОТА НЕЗЕМНАЯ

Я могу спать под любой тарарам. У меня двое взрослых сыновей. Уложить их вечером никогда вовремя не удаётся. К концу дня я сильно устаю и со словами «Делайте, что хотите, а я к Морфею» ухожу смотреть цветные сны. Сплю на одном боку до самого утра, когда противно звонит будильник мобильного телефона. Есть единственное желание — швырнуть его в раскрытое окно, но он лежит разумно дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, поэтому приходится вставать и нажимать кнопку. Моему утреннему сну позавидуют младенцы и пожарные. Я завожу будильник на три звонка, потому что под первые два могу запросто безмятежно проспаться.

Но вот если ночью... комар... Вам знаком комариный писк? Разбудит мёртвого! Вз-ззи-з-з-зи-зз... Вз-зз-з-з-з-зи-и-и... Пытаюсь укрыться одеялом с головой от писклявого гада. Но становится жарко. Тогда высовываю наружу нос... подышать! А комар только этого и ждёт! Зудящая сволочь пикирует. Ой! Вскрикиваю от боли. И сон улетает прочь. Я чихаю, ругаюсь. Просыпается муж и начинает бегать по потолку, размахивая своими

тренировочными штанами. Он пытается догнать зловередное писклявое насекомое. Обычная сцена тёплого времени года в моём доме...

Однажды случилось так, что сыновья и муж уснули раньше меня. Впереди долгожданная суббота. Я ночью смотрела очередной фильм, который скачали мои мальчики. Сюжет был захватывающий, разумеется, о неземной любви... Перед сном я постояла в душе под тёплыми струями воды. Ароматный гель от Ив Роше приятно снял дневную усталость. С удовольствием вспомнила счастливый финал фильма. Достала новый крем для лица и, прочитав аннотацию к нему, подумала: «Хорошо, что все в доме спят! Могу беспрепятственно намазать лицо этой прелестью». Дело в том, что крем был с добавлением какой-то чудодейственной глины ярко-зелёного цвета. Лицо можно намазать на ночь, а утром встать пораньше и смыть его тёплой водой. Эффект обещался сногсшибательный!..

Всё хорошо, если бы не (вы уже догадались?) комар. Я почти уснула. Но через какое-то время под нестерпимые комариные децибелы проснулся муж. Отработанным движением, с закрытыми глазами, в полусне он нащупал свои спортивные штаны, поднялся, чтобы найти комара и раздавить кровопийцу прямо на потолке, включил свет и (о ужас!), отшатнувшись от меня, закричал испуганным, срывающимся фальцетом: «А-а-а-а! Что у тебя с лицом?!» Я повернулась к зеркалу и вздрогнула. Моя зелёная физиономия внушала чувство ужаса не только моему мужу. Эдакое зрелище не для слабонервных. На крик в комнату вбежал младший сын: «Что вы так раскричались? Соседи проснутся». Увидев меня, сынок от страха поперхнулся своими спутанными словами, на миг потерял дар речи и в итоге сдавленно прошептал сиплым голосом: «А-а-а-а... Мама, что это у тебя?.. На тебе лица нет!» Следом влетел старший сын. Он только беззащитно заслонил глаза руками, как от яркой вспышки ядерного взрыва, попятился и сполз по стене. Мой мальчик смог выдавить только сродни комариному: «А-а-а-а...»

Я одиноко сидела на диване, как единственная спасённая на плоту с утонувшего корабля посреди бескрайнего и очень пустынного океана. Вы не представляете, как эти черти начали... ржать! Соседи точно проснулись. А я только вздохнула, мне не хотелось объяснять семье, что к утру благодаря зелёной глине я должна быть красавицей невозможной. Тяжело поднялась и обречённо поплелась смывать волшебную маску. Я больше не хотела спать с лицом, на котором нет лица...

Не знаю, какие сны снились моим мужчинам остаток ночи. Муж периодически тревожно вскрикивал во сне. Сыновья шумно ворочались за стеной. Думаю, им снился атакующий комар с моим лицом в зелёной маске для молодости. Я их понимаю...

А я после той памятной ночи больше не проводила подобные эксперименты. Крем подарила подруге. От греха подальше и для спокойствия мужского населения моей семьи. Мир в доме прежде всего!

А что может быть лучше спокойного, здорового сна? Ничего...

Книга 4

Галина Самусенко

МАЛЕНЬКИЕ ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Самусенко Галина Валентиновна родилась 10 апреля 1958 г. в городе Коломна. В 1980 г. окончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Работала инженером ОГЭ Коломенского тепловозостроительного завода, преподавателем курсовой сети Монинского гарнизонного Дома офицеров, техником Коломенского УЭС. В настоящее время работает в «МАП № 2 Автоколонна 1417» филиал ГУП МО «Мострансавто» начальником колонны кондукторов автобусов городского и пригородного сообщения. Увлекается живописью и изготовлением кукол в технике скульптурного текстиля.

Является автором сборника стихов «Живые картинки» (2011 г.), сборников стихов и рассказов «На скамейке у старой стены» (2013 г.), «Незамысловатые сюжеты» (2014 г.), «Под сенью старых башен» (2015 г.) и «Такая разная жизнь» (2016 г.); редактором-составителем литературных сборников «Не меркнет золото Победы» (2015 г.), «Книги и судьбы» (2016 г.), «Слово о кино и театре» (2016 г.).

Стихи и рассказы публиковались в литературном ежегоднике «Коломенский альманах», международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь», международном литературном журнале «Союз писателей», международном литературно-художественном журнале «Метаморфозы», международном литературном журнале «Страна Озарение» и различных литературных сборниках.

Член Московского областного отделения Союза писателей России.

Член творческой мастерской «У Грановитой» города Коломны, Воскресенского ЛИТО «Радуга» имени Ивана Ивановича Лажечникова и Луховицкого ЛИТО «Диамант».

Активный участник городских и районных творческих мероприятий, различных литературных конкурсов, встреч с читателями.

КОРОННЫЙ УДАР

Татьяна прибежала домой в оживлённо-приподнятом настроении. Сегодня у неё был день рождения. Коллеги на работе об этом не забыли, преподнесли цветы и небольшой подарок, и начальник отпустил её пораньше. По пути с работы домой она успела заскочить в магазин и теперь сервировала праздничный ужин — скоро должен был вернуться с работы муж, и ожидалась гости — школьные друзья.

Муж Татьяны Николай трудился слесарем-наладчиком на том же заводе, где она работала лаборанткой в химической лаборатории. Супруги были знакомы с той самой давней поры, когда их посадили за одну парту в первом классе. Школьная дружба переросла в любовь, они поженились и вот уже несколько лет состояли в законном браке. Оба рослые, статные, с открытыми приятными лицами, они составляли очень симпатичную пару. Со школьных лет Татьяна и Николай занимались спортом. Она была прекрасной волейболисткой, её коронный удар с левой неизменно вносил замешательство в ряды противников, Николай неплохо играл в футбол. Но спортивным надеждам не суждено было осуществиться. После полученных в играх травм и Николаю, и Татьяне пришлось оставить спорт. Жили супруги дружно, лишь одно их огорчало — Бог не дал им детей. Что только они не предпринимали для того, чтобы у них родился ребёночек, в какие поликлиники, к каким медицинским светилам они только не обращались — ничего не помогло. Постепенно они успокоились и смирились. Брать ребёнка из детского дома не стали, опасаясь плохой наследственности.

Настроение Татьяны несколько упало, когда, взглянув на часы, она поняла, что мужа, которому давно пора было быть дома, до сих пор нет. Но поразмышлять о том, куда же запропастился Николай, времени не было, поскольку гости уже стояли на пороге. В подарок

они принесли Татьяне маленького пушистого персидского котёнка, о котором она уже давно мечтала. Кроме самого котёнка имениннице было подарено огромное количество необходимых котёнку вещей, начиная домиком с когтеточкой и заканчивая маленькой заводной мышкой. Татьяна была в восторге.

На вопрос гостей об отсутствии хозяина Татьяне пришлось сказать, что Николай задержался на работе, чтобы наладить необыкновенно сложные импортные станки. Гости ответ удовлетворил, и больше этот вопрос не поднимался.

Праздничный ужин шёл своим чередом. Котёнок, налакавшись молока, свернулся клубочком на диване и уснул. Гости с хозяйкой вспоминали школьные годы, шутили, хохотали, пели песни под гитару — Татьяна неплохо на ней играла. Но беспокойство за мужа именинницу не покидало. Когда гости уже ушли, а мужа всё ещё не было, настроение её окончательно упало, сердце заполонила тревога.

Татьяна уже домывала посуду, когда стукнула входная дверь и на пороге появился Николай. С первого взгляда Татьяна поняла, что муж сильно навеселе. В руках он держал нечто, что когда-то было букетом роз. Цветы были сильно помяты, некоторые сломаны.

— Дорогая, с днём варенья... Поздравляю... Вот... Дай поцелую...

Увернувшись от пьяного мужа, Татьяна молча взяла помятый букет и бросила его в мусорное ведро.

— А, вот ты как, цветы тебе не такие... И целоваться не хочешь? Муж тебе не нравится? А сама... А это кто?

Котёнок, разбуженный шумным прибытием хозяина, сидел, нахохлившись, на диване и тарачил бессмысленные глазёнки.

— Ты что, совёнка принесла, зачем? Он что, жить здесь будет? Нет, ты ответь... Отвечай, когда муж спрашивает... Пить хочется, сил нет... — Николай попытался налить воду из графина в стакан. После нескольких не-

удачных попыток он в сердцах бросил стакан на пол, во все стороны полетели осколки.

Татьяна подхватила котёнка на руки и молча, как-то особенно осторожно ступая (боялась сорваться), ушла в спальню.

Если бы Николай был трезв, то он бы, конечно, понял, что, когда жена находится в таком состоянии, подходить к ней близко опасно для здоровья. Но, как известно, алкоголь в больших дозах замедляет работу мозга и толкает людей на необдуманные поступки. И Николай потащился за Татьяной.

— Ну Танюш, ты чё, обиделась, что ли? Я ж тебя люблю ваще... Вот, цветы принёс, а ты так... Ну прости, Танюш... Дай поцелую... — тут его взгляд снова зацепился за котёнка. — Да брось ты этого совёнка! — зарорал он и попытался выхватить из рук жены маленькое лохматое существо.

Тут Татьяна не выдержала. От её коронного с левой сто-килограммовая туша любимого мужа отлетела к шкафу, проломив обе дверцы и рухнула внутрь. На плохо соображающую пьяную голову посыпались обломки дверок, одежда, сорванная с плечиков, и сами плечики, острыми крючками норовившие впиться в шею и руки.

В течение десяти минут Татьяна наблюдала безуспешные попытки мужа (сопровождаемые кряхтением, сопением и невнятным бормотанием) выбраться из недр шкафа. Наконец ему удалось освободиться и принять вертикальное положение. Не глядя на жену, Николай ушёл в гостиную, и вскоре оттуда послышался богатырский храп.

Татьяна немного поплакала в подушку и тоже скоро уснула рядом с котёнком.

Разбудил её восхитительный аромат свежесваренного кофе. Выйдя на кухню, она обнаружила мужа, хлопотавшего у плиты. На столе стояли любимые Татьянины чашки, на деревянной досочке белел нарезанный хлеб, в маслёнке желтело масло, а в тонкой хрустальной ва-

зочке рябили разноцветными фантиками конфеты. Не менее живописной была и физиономия Николая. Под глазом красовался огромный синяк, лицо украшали свежие ссадины.

— Танюш, — виновато заглядывая в глаза жены, затараторил Николай, — давай завтракать. Я яишенку поджарил, кофе сварил, может, ещё чего хочешь? Я сделаю.

Завтракали молча. Николай смотрел на котёнка и думал:

«И чего я вчера к этому совёнку привязался? Ну принесла и принесла, пусть живёт, никому не мешает, вон какой симпатичный. А у меня теперь вся морда разбита, да и шкаф новый покупать придётся. А здорово она меня вчера, — вдруг восхитился он. — Что значит коронный с левой!»

Татьяна смотрела на мужа и думала:

«И чего это я вчера Николашу так приложила? Ну выпил человек лишку, так ведь со всяким может случиться. Мужик-то он хороший, меня любит, заботится... А котёнок-то и вправду на совёнка похож».

А котёнок смотрел на них и ни о чём не думал. Он сидел на мягком тёплом диване, и ему было просто хорошо.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

Больше всего на свете Семён Карпович любил деньги. Любовь эта была огромной, всепоглощающей, болезненной и, как ни странно, бескорыстной. Ничего от этих самых денег Семёну Карповичу не было нужно, только бы держать их в руках, гладить, рассматривать, любоваться, пересчитывать, перекладывать с места на место.

Жил он одиноко в старой родительской однокомнатной квартирке со старой родительской мебелью, сам штопал себе бельё, питался скудно, на развлечения день-

ги не тратил. Он вообще с деньгами расставался крайне неохотно и только в случае крайней необходимости. Несмотря на скудость рациона, а может быть, благодаря воздержанию, Семён Карпович был человеком вполне здоровым, хотя выглядел несколько болезненно из-за худобы и сутулости. Единственное, что периодически ухудшало его самочувствие, — это необходимость расставаться с деньгами.

Работал Семён Карпович бухгалтером, профессию выбирал по любви — к деньгам, конечно. Женщины в бухгалтерии его жалели, считали больным и несчастным — собственно, так оно и было, — подкармливали. Семён Карпович от угощения никогда не отказывался, принимал с благодарностью, это позволяло не тратить лишний раз деньги на продукты. В общем-то человек он был неплохой, незлобивый, работу свою знал и любил, всегда был готов прийти на помощь ближнему, если, конечно, эта помощь не требовала финансовых затрат.

В тот день после работы Семён Карпович зашёл в продуктовый магазин. Хочешь не хочешь, а продукты иногда покупать приходилось. Он стоял в очереди к кассе. Настроение было отвратительное, его знобило, ноги были ватными, сердце отчаянно колотилось. В кулаке был зажат рубль, с которым ему предстояло расстаться. Семён Карпович набрал продуктов на целых семьдесят копеек — при его экономии их должно было хватить примерно на неделю, но необходимость разменять целый рубль вгоняла его в предынфарктное состояние.

Когда подошла его очередь, молоденькая кассирша с ехидной, как показалось Семёну Карповичу, улыбкой, сообщила, что мелочи у неё нет, и предложила ему на сдачу лотерейный билет. Бедный Семён Карпович от такого предложения впал в ступор, стоял, тараща на девушку глаза, и только открывал и закрывал рот, как вытасченная из воды рыба, силясь что-то сказать.

Видя Семёна Карповича в таком состоянии и испу-

гавшись, что того хватит удар, стоящий за ним в очереди Лёха — молодой здоровый краснощёкий парень, работающий в соседнем отделе, — быстро выгреб из кармана всю мелочь и высыпал на блюдечко перед кассиршей.

— Девушка, отпустите Семёна Карповича. Я возьму этот билет.

Кассирша, кокетливо улыбаясь из-под рыжей чёлки, пробила Лёхе чек и протянула его вместе с лотерейным билетом. Лёха сунул билет в карман куртки и тут же про него забыл.

Выйдя из магазина и отдышавшись, Семён Карпович испытал прилив сил и почувствовал огромную благодарность к Лёхе, хотя и осудил его за расточительность.

Прошёл месяц. Как-то Лёхе на глаза попала газета с розыгрышем, и он вспомнил про билет. Конечно, его номер ничего не выиграл, но Лёха совсем из-за такого пустяка не расстроился. В обеденный перерыв к нему заглянул приятель, увидел газету, у него тоже оказалось два лотерейных билета, и он тоже ничего не выиграл. За разговором, рассматривая газету и обсуждая чужие выигрыши, Лёха рассказал другу, каким образом у него оказался лотерейный билет и как он героически спас Карпыча от сердечного приступа.

— Слушай, а давай скажем Карпычу, что этот билет выиграл, вот у него физиономия вытянется, — предложил приятель.

— Давай, а как? — загорелся Лёха.

— Легко.

Приятель очень аккуратно вырезал из колонки номер Лёхиного билета, наклеил его на то место, где красовался счастливый номер, на который выпал выигрыш автомобиля «Волга», и, чтобы место склеивания не было заметно, густо обвёл его ручкой. Потом друзья вырезали кусок газеты с якобы выигрышем, и Лёха потопал в бухгалтерию.

Семён Карпович благоденствовал после чашечки чая с брусничным вареньем и пирожком, которым его угостила добросердечная соседка-бухгалтерша. Тут

в бухгалтерию ввалился Лёха, заполнив своей шкафообразной фигурой половину комнаты, положил на стол вырезку и пробасил:

— Семён Карпыч, поздравьте меня, я на ваш билет «Волгу» выиграл.

— К-как «Волгу»? — заикаясь, спросил Семён Карпович. Лицо его посерело, нос заострился, на лбу выступил холодный пот, глаза закатились. Он схватился за сердце...

Фельдшер скорой помощи диагностировал инфаркт.

ПОЕЗДКА

Иван Акимович смотрел в окно и вспоминал. В последнее время воспоминания часто тревожили его. За окном проплывали знакомые с детства места — засыпанные снегом поля, рощицы, лесочки, придорожные деревни. Автобус катил плавно, в салоне было тепло, уютно. Народу немного, все постоянные пассажиры, все друг друга знали, примелькались уже, не один день ездили этим рейсом. Двое мужчин весело разговаривали, подначивали друг друга, шутили.

«Односельчане, — отметил Иван Акимович. — Выходят вместе со мной».

Иван Акимович смотрел в окно, а перед глазами рисовались картины давних послевоенных лет. Военные годы он помнил смутно, мал ещё был, помнил лишь постоянно мучившее его тогда чувство голода. Да ещё в отрывочных воспоминаниях тех лет почти не было мужских лиц, только лица стариков, женщин и детей. Зато послевоенные годы он помнил чётко. Помнил тяжёлую работу в колхозе от зари до зари на полях, на скотном дворе. Помнил пришедшие в упадок за время войны, постаревшие деревенские дома — некому было их подновлять. Помнил, как расстраивалась, хорошела на глазах деревня, веселели люди.

Вот и сейчас, глядя на красивые добротные дома, стоящие возле дороги, Иван Акимович радовался — хорошо стали жить люди, зажиточно.

Постепенно мысли Ивана Акимовича перешли на семейную колею. Вот и он вырастил дочь, и внучка у него есть, даст Бог — и правнуков понянчит. Дочь с внучкой и зятем живут в городе, хорошо живут, в достатке. Зять должность большую занимает. Квартира у них хорошая, машина, одеты, обуты, всё есть. Дочь с внучкой в норковых шубках щеголяют на зависть соседям. Зять ничего, уважительный, когда приезжает, обязательно коньяк на стол ставит для беседы и с ним — Иваном Акимовичем — подолгу обстоятельно разговаривает. Жаль, приезжает редко — работает много. Внучке тоже некогда — в какой-то фирме работает главным бухгалтером, говорит, что так загружена, что даже дома приходится работать. Что ж, может, оно и так. А вот дочка могла бы и приехать лишней раз, провести их с матерью, не работает ведь, дома сидит. От города до деревни всего полчаса езды на автобусе. Говорит — некогда ей, занята, не успевает ничего. А чем занята, чего не успевает, сериалы смотреть не успевает?

Жена что-то прихварывать стала, да и он в последнее время неважно себя чувствует. Вот недавно инфаркт приключился, думал — не выкарабкаться уже, спасибо врачам — с того света достали. После инфаркта стал Иван Акимович часто и подолгу задумываться, прошлое вспоминать. И это прошлое становилось для него более реальным, чем настоящее. И выпадал тогда Иван Акимович из действительности, а когда приходил в себя, сразу не мог понять, где он и что с ним.

Автобус стоял на остановке уже две минуты. Весельчаки вышли. Зашли ещё пассажиры. Автобус тронулся. Кондуктор билечивала вошедших, что-то у них спрашивала, потом села на своё место.

Когда Иван Акимович очнулся, автобус выезжал за деревню, крайние дома быстро удалялись в заднем стекле.

«Ну вот, пропустил свою остановку, — подумал Иван Акимович. — Придётся теперь назад топать».

Он подошёл к кондуктору и спросил, остановят ли ему на следующей остановке.

— Обязательно, — ответила кондуктор. — Остановка по требованию, — и нажала кнопку. Автобус остановился, Иван Акимович поблагодарил и вышел. Кондуктор с любопытством посмотрела ему вслед.

«На кладбище, что ли, решил пойти, проведать кого? — подумала она. — Больше здесь идти некуда».

Впрочем, она тут же о нём забыла.

Светило солнце, небольшой морозец бодрил, дорога была почищена, шагалось легко. Иван Акимович не торопился, часто отдыхал — после перенесённого инфаркта от самой небольшой нагрузки начиналась тахикардия и мучила одышка.

Дойдя до деревенской остановки, увидел жену, лицо её было встревожено.

— Господи, где ты был, что случилось?

— Да ничего страшного, остановку свою проехал.

— Как? Почему? Ты что, заснул? Тебе было плохо?

Иван Акимович неопределённо махнул рукой и пошёл к дому.

— Люся звонила, беспокоилась.

— Она только по телефону и беспокоится, — буркнул Иван Акимович.

Придя домой, он прилёг — всё-таки устал порядком — и уснул. Снилось ему родная деревня в цветущих садах, сам он — молодой и здоровый, красавица жена в подвенечном платье...

Людмила Ивановна, услышав от матери по телефону историю, приключившуюся с её отцом, тут же нарисовала себе душераздирающую картину: отцу стало плохо в автобусе, ну или он просто задремал и очнулся, когда автобус тронулся с остановки. Он бросился к кондуктору с просьбой остановить автобус, но мерзкая баба и не подумала этого делать и провезла отца до следующей оста-

новки, и ему пришлось добираться до дома пешком. Он — старый, больной человек, он мог упасть и замёрзнуть в снегу, у него мог случиться приступ, в конце концов, его могла сбить машина. Что за бесчеловечное отношение к старым людям! Таких необходимо наказывать!

Мысль о том, что больного старика вообще нельзя отпускать одного в поездки и что ей, как любящей дочери, не мешало бы его в этих поездках сопровождать, как-то забыла прийти в голову Людмилы Ивановны.

Приехав в автоколонну, она разыскала отдел эксплуатации и выложила сотрудникам придуманную ею историю, комкая в руках платочек и вытирая слёзы. Её вежливо выслушали, рассказ записали и пообещали разобраться. Видя, что возмущаться вместе с ней действиями кондуктора никто не собирается, поднесла платочек к глазам и ещё раз повторив фразу о том, что надо быть человечными, Людмила Ивановна царственно удалилась.

Кондуктор искренне удивилась, узнав, в чём её обвиняют, в объяснительной записке она подробно описала то, что произошло в салоне автобуса в тот день. Инженер отдела эксплуатации позвонила Людмиле Ивановне и изложила своё видение ситуации. Оно, конечно, Людмилу Ивановну не удовлетворило. Она жаждала крови.

Вскоре на сайте администрации района появился материал, написанный со слов Людмилы Ивановны. Администрация района потребовала объяснений у руководства автоколонны. Руководство автоколонны ответило, что будет проведено служебное расследование.

Пока суд да дело, на сайте стали появляться отзывы и комментарии. Одни обвиняли водителя и кондуктора — все они сволочи, другие высказывались в их защиту, третьи ругали всех и вся. Четвёртые говорили, что старикам вообще нечего разъезжать в автобусах, дома надо сидеть на печке. Досталось и работникам автоколонны — деньги гребут почём зря, а сервиса никакого. В общем, разгорелся виртуальный скандал.

А Иван Акимович жил себе спокойно в своей деревне, занимался нехитрым домашним хозяйством — ин-

тернета у него, слава Богу, не было — и ничего не знал до тех пор, пока не встретил в магазине своего давнего друга.

— Ну ты, Акимыч, и волну нагнал...

— Какую волну, ты про что? — не понял Иван Акимович.

— Какую, какую — виртуальную, вся округа гудит. А ты что, не знаешь? Ну так пошли к моему Вовке, он покажет.

Вовка показал...

Как Иван Акимович дошёл до дома, он не помнил. Войдя в дом, он сел на первый попавшийся стул возле стола. В груди щемило. Он приподнялся, рука потянулась за лекарством, но на половине пути упала. Тело грузно осело на стул. Сердце остановилось.

ПОПУТЧИЦА

Сергей возвращался из командировки. На вокзале миловидная девушка в кассе, постучав по клавиатуре компьютера, выбрав что-то на мониторе, протянула ему билет и, улыбаясь, сообщила, что у него нижняя полка. Сергей поблагодарил и пошёл к поезду. В вагоне народу было совсем немного, а в купе он и вовсе был один. В поезде топили, в вагоне было жарковато. Сергей снял куртку и свитер. Куртку повесил на крючок у входа, а свитер закинул в дорожную сумку. Потом он удобно расположился на мягком диванчике и расслабился. Настроение у него было просто отличное: командировка закончилась, сегодня пятница, на работу только в понедельник. В поезде он выспится, завтра утром будет дома, и у него останется целых два дня, чтобы побыть с семьёй. Дома Сергея ждали жена, две маленькие дочки и овчарка Долли. Сергей думал: куда бы пойти всей семьёй в субботу? Может, прогуляться по Старому Городу, сходить на берег Москвы-реки, посмотреть на недавно

открытый памятник водовозу? Или погулять с детьми и собакой в парке? А может, взять билеты на массовое катание на коньках в ледовом дворце, и самому размяться, и дочек поучить стоять на коньках? Вагон мягко покачивало, чуть слышно постукивали колёса на стыках рельс, и Сергей не заметил, как задремал.

Очнулся он от того, что дверь в купе открылась. Поезд стоял. Вошли двое: женщина лет сорока пяти с приятным умным лицом и мальчик лет пяти. Женщина поздоровалась и представилась Ириной Валерьевной. Мальчика звали Павликом. Пока Ирина Валерьевна раздевала Павлика, доставала из сумки какие-то вещи, что-то убирала, Сергей разглядывал её и думал, что ему, кажется, повезло с попутчиками.

Через секунду он понял, что сильно ошибался.

Дверь в купе рванули снаружи, она отъехала с громким скрежетом, и в купе стала протискиваться необъятных размеров дама. Пыхтя и отдуваясь, она тащила за собой две большие сумки и огромный пакет. Дама была в пальто какого-то пёстро-болотного цвета, сильно смахивающем на камуфляжный чехол для танка не только по окрасу, но и по габаритам. Дама что-то буркнула себе под нос, видимо, здоровалась или представлялась, Сергей не понял, а переспрашивать ему почему-то не хотелось. Сняв пальто, дама осталась в не менее пёстром и не менее объёмном платье. Густым басом она попросила Сергея поставить её сумки в ящик под сиденьем. Пакет она держала в руках. Глядя на неё, Сергей с тоской подумал, что спать ему придётся на верхней полке.

Убрав сумки в ящик, Сергей предложил даме сесть, женщина величественно кивнула. Когда она села, Сергей понял, что для него места на диванчике уже не осталось. Ирина Валерьевна тут же пришла ему на помощь, убрав сумку и взглядом предложив ему сесть рядом. Сергей благодарно кивнул и, с облегчением вздохнув, присел на диванчик. Втроем они занимали гораздо меньше места, чем их попутчица.

Между тем дама вынула из пакета завёрнутую в фоль-

гу жареную курочку, разложила на столике хлеб, свежие помидоры, порезанные пополам, достала соль и принялась неторопливо, с толком всё это вкушать. Она отрывала от курочки кусочек, рассматривала его со всех сторон, потом клала его в рот и, зажмурившись от удовольствия, не спеша жевала. Помидорчик она посыпала солью, откусывала кусок, заедала его хлебом и опять долго и вкусно жевала. Зрелище было завораживающее. Зрители не могли оторвать от неё глаз. Расправившись с курочкой, аккуратно собрав косточки и вытерев руки салфеткой, женщина достала большой термос с чаем, объёмную чайную чашку, больше похожую на суповую миску, и огромную сдобную булку. Представление продолжалось. Наконец Ирина Валерьевна опомнилась, достала детский творожок и предложила Павлику покушать. Павлик согласился, но постоянно забывал подносить ложку ко рту, так он был увлечён необычным зрелищем.

Утолив голод, дама взялась за телефон. Началось второе действие пьесы театра одного актёра. Вскоре Сергей и Ирина Валерьевна знали имена всех многочисленных родственников и подруг этой необыкновенной женщины, они выучили наизусть меню завтрака, обеда и ужина предыдущего дня, а также узнали, что кушала их чудная соседка сегодня утром (уничтожение курочки они наблюдали своими глазами) и что она собирается скушать, приехав домой. Они узнали, кто будет встречать её на вокзале и какие подарки она везёт своим родственникам.

Павлик утомился и уснул под гром соседского голоса. Сергей страстно мечтал, чтобы деньги на телефонном счету говорливой дамы поскорее закончились. Не очень скоро, но это всё же случилось. Сергей и Ирина Валерьевна вздохнули с облегчением, но напрасно.

Они уже успели перебраться на верхние полки и теперь наблюдали сверху, как соседка пыталась устроить свои необъятные тела на узком купейном диванчике.

Наконец она нашла более или менее удобное положение и закрыла глаза. Тут раздался такой богатырский храп, что Сергей и Ирина Валерьевна буквально подско-

чили на своих полках. Кроме звучного храпа до Сергея стали доноситься ещё какие-то резкие звуки и подозрительный запах. Принюхавшись, Сергей понял, что могучий организм соседки во сне работал как настоящая мусоросжигательная печь — с громким шумом и выбросами в окружающую среду отходящих газов.

Вскоре в купе стало нечем дышать. Сергей видел, как Ирина Валерьевна побрызгала туалетной водой носовой платок и положила его себе на лицо. У Сергея под рукой не было туалетной воды, она находилась на дне сумки, и через некоторое время он, боясь умереть от удушья, рванул дверь купе, пробежал коридор и выскочил в тамбур. Он долго стоял в тамбуре, хватая ртом ночной ледяной воздух, пока не замёрз. Тогда он вернулся в коридор, но в купе зайти не решился, так и простоял всю ночь в коридоре, борясь со сном.

В купе Сергей заскочил только тогда, когда поезд уже подъезжал к вокзалу, схватил сумку и куртку, кивнул не спавшей и смотревшей на него Ирине Валерьевне и захлопнул за собой дверь. Одевался он в коридоре.

Добравшись до дому, он, едва поцеловав жену и дочек и погладив собаку, рухнул в постель.

В голове была только одна мысль: «Пропала суббота!»

ПРОДЕЛКИ ЗЕЛЁНОГО ЗМИЯ

ПРОДЕЛКА ПЕРВАЯ

Складской комплекс находился примерно в трёх километрах от военного городка в лесу. Да, собственно, и сам городок был со всех сторон окружён лесом — разлапистые пушистые ели и высоченные медноствольные сосны с любопытством заглядывали через бетонный забор. До складов из городка была проложена бетонка, давным-давно раздолбанная колёсами тяжёлых военных грузовиков и превратившаяся со временем из дороги в своеобраз-

разную полосу препятствий. Военных и вольнонаёмных работников складского комплекса каждое утро и вечер привозил и отвозил обратно такой же раздолбанный, как и дорога, служебный пазик, с натугой преодолевавший небольшое расстояние от городка до складов.

На складском комплексе служили два приятеля-прапорщика, два Сергея — Сергей Бурмин и Сергей Заволжский. Бурмин заведовал продовольственным складом, а Заволжский — складом горюче-смазочных материалов, сокращённо ГСМ. Оба приятеля были похожи внешне: оба коренастые, лобастые, лысоватые, всегда с добродушными улыбками на широких лицах. Да и характерами они сошлись.

Вообще жизнь на складах довольно хлопотливая. Всё время приезжают и уезжают машины, что-то привозят, что-то отгружают, постоянно толкутся люди, оформляются какие-то документы, ставятся печати. Но постепенно ближе к вечеру суета стихает, и наступает относительно спокойное время, когда можно передохнуть от заявок, накладных и требований. Вот этот спокойный часок перед окончанием рабочего дня наши друзья проводили вместе. Собирались обычно на складе у Бурмина — всё-таки приятнее вести задушевные беседы среди продуктов, нежели в окружении горюче-смазочных материалов. Доставали заветную бутылочку, которая всегда стояла наготове в рабочем столе Бурмина, разливали по стопочкам бодрящий напиток (с закуской проблем, естественно, не было). Оба пили мало, только для «душевности», зато много разговаривали «за жизнь». Обсуждали житейские проблемы, делились радостями и горестями семейной жизни, хвастались успехами детей, строили планы на будущее. Наговорившись вдоволь, друзья дожидались прибытия служебной развалюхи и возвращались домой.

Жизнь приятелей протекала спокойно, пока один случай не нарушил их размеренно-привычный распорядок и не прекратил на некоторое время их задушевные посиделки.

А произошло вот что.

На складском комплексе жил невесть откуда взявшийся пёс дворянской породы по кличке Семён Семёныч, в повседневном обиходе — Сеня. Кто и когда дал такую кличку собаке, никто не помнил. Пёс был молодой, весёлый, игривый, добродушный, никогда никого из служащих не кусал и помогал охранять склады по ночам. Тут он демонстрировал прекрасный слух и готовность атаковать непрошеного гостя, то есть проявлял повадки хорошего сторожевого пса. Он и внешне был похож на помесь дворняги с московской сторожевой. Пса все любили, постоянно подкармливали домашними деликатесами, отчего бока его всегда были круглыми и лоснились. Сеня дружбой тоже никого не обделял, но особенно привязался к двум Сергеем и часто составлял им компанию на вечерних посиделках.

Вот и в этот раз, как обычно, трое друзей собрались на складе Бурмина, бутылочка стояла на столе, хлеб был нарезан, банка тушёнки открыта. Сеня, получив свою порцию тушёнки с хлебом, уселся в уголке каптёрки и стал аккуратно поесть угощение. Друзья разлили водку по рюмкам (её было совсем немного, хватило как раз на две рюмки), выпили, закусили, и, как обычно, потекли неспешные разговоры о службе, жёнах, детях. То ли разговор на этот раз получился особенно душевным, то ли водки действительно оказалось маловато, только оба почувствовали, что надо бы выпить ещё. Но пить было нечего. Почесав затылок, Заволжский сказал, что у него на складе ГСМ стоит большая ёмкость с техническим спиртом и если выпить понемногу, то, вероятнее всего, с ними ничего не случится. Бурмин задумался и хотел уже было отказаться от этого предложения, но вспомнил, что широко известный в городке отставной капитан Михалыч употребляет этот напиток регулярно и до сих пор жив-здоров (во всяком случае, внешне) и всегда находится в прекрасном расположении духа. Заволжский быстро сбегал на свой склад и вернулся, держа в руках бу-

тылку из-под водки с плещущейся в ней прозрачной жидкостью. Жидкость разлили по рюмкам, но прежде чем выпить, — для верности — решили дать попробовать собаке. Намочили в спирте кусок хлеба, положили сверху огромный кусок тушёнки и предложили псу. Сеня поморщился, но, не желая обижать друзей, подношение принял. Глядя на пса, улетающего намоченный в спирте хлеб, друзья успокоились, выпили, закусили, и беседа потекла своим чередом.

В какой-то момент приятели вдруг обнаружили, что пса поблизости нет. Они тревожно переглянулись и выскочили за дверь. Сеня лежал возле двери каптёрки бездыханный. Не стовариваясь, наши герои бросились в городок. Расстояние от складов до городка они преодолели с такой скоростью, как будто ставили мировой рекорд в беге с препятствиями. Ворвавшись в санчасть и увидев первого попавшегося человека в белом халате, они, задыхаясь и перебивая друг друга, принялись рассказывать о том, что с ними произошло...

Оба Сергея вернулись к месту службы через день, получив промывание желудка и нагоняй от начальства. Первым, кого они увидели, когда распахнулись двери пазика, был Семён Семёныч, радостно встречающий их после долгой разлуки. Пёс прыгал вокруг них, бешено вертел хвостом, норовил подпрыгнуть и лизнуть в нос то одного, то другого, сердиться на него не было никакой возможности.

В течение двух недель над друзьями потешался весь городок, но постепенно всё забылось, произошли другие события, появились свежие новости, и история наших героев стала никому не интересной. И только жёны иногда напоминали им, к чему могут привести проделки зелёного змия.

ПРОДЕЛКА ВТОРАЯ

Вечера в военных лагерях тоскливые, особенно если за брезентовым пологом палатки тьма, хоть глаз коли, и хлещет, не переставая, дождь, с упорством маньяка барабанивший в туго натянутый брезент. В такие вечера все свободные от дежурства сидят в палатке и занимаются кто чем может — кто-то брэнчит на расстроенной гитаре, хрипя простуженным голосом какую-то песню, кто-то нашёл старую газету и читает новости недельной давности, кто-то с кем-то жарко спорит непонятно о чём, кто-то играет в карты. Иногда расписывают пулюку, иногда режутся в дурака.

Сегодня играли в подкидного. Под потолком палатки неярко светила электрическая лампочка, питающаяся током от аккумулятора. На столе за неимением водки стояла бутылка с техническим спиртом, лежали нарезанные кружочки колбасы, ломти хлеба, перья зелёного лука, свежие огурцы и помидоры (лето всё-таки, хоть и дождливое). В банку из-под какого-то пайкового деликатеса была насыпана соль.

Играющие и неиграющие выпивали и закусывали. Вкусно причмокивали, откусывая кусок колбасы, лежащей на крупно нарезанном ломте хлеба и украшенной влажными пёрышками сладкого зелёного лука, заедая этот бутерброд щедро посыпанной солью половинкой помидора или аппетитно хрустя упругим огурчиком.

Как обычно, непонятно в какой связи (пили-то его не первый раз), зашёл разговор о воздействии технического спирта на организм человека. Кто-то высказал мнение, что его воздействие ничем не отличается от воздействия обычного медицинского спирта, кто-то ему возразил, продемонстрировав знание химии в пределах школьной программы, кто-то поддержал одного оппонента, кто-то другого, но жаркого спора не получилось, и вялая пикировка вскоре сошла на нет. В конце разговора о техническом спирте прапорщик Бочкарёв — тучный лысый

мужчина с красным лицом и густыми рыжими усами — заявил, что он где-то читал, а может быть, просто где-то слышал, что технический спирт плохо действует на глаза и, употребляя этот напиток, можно и вовсе лишиться зрения. Его подняли на смех, и разговор о техническом спирте на этом закончился.

Плотно закусив после третьей порции технической жидкости, прапорщик задремал и даже всхрапнул, чем немедленно воспользовались шутники, которые обязательно имеются в любом человеческом сообществе. Провод лампочки отсоединили от клеммы аккумулятора, и в палатке стало темно. Все затаили дыхание, ожидая развязки. Кто-то из шутников нежно толкнул Бочкарёва в бок и произнёс:

— Ну что, Михалыч, крой семёрку-то, наверняка у тебя пики есть.

Тот открыл глаза, и через несколько секунд тьму палатки пронзил утробный звериный рык, перекрывший шум дождя и услышанный даже часовыми, охраняющими палаточный городок: «ОСЛЕП!!!»

РЫБАЛКА

На утренний лов Павел всегда ходил один. Любил он встречать рассвет на реке в одиночестве, любил смотреть, как просыпается природа, как встаёт огромным золотисто-розовым мячом солнце, как выступают из серой ночной размытости берега реки, очертания прибрежных кустов, как наполняются они цветом, как становятся видимыми речные струи, сплетающиеся и расплетающиеся между собой в своём безостановочном беге. Любил он слушать проснувшихся птиц, пробующих голоса на утренней зорьке. В эти часы сходило на него какое-то необыкновенное умиротворение. И он всей душой и всем телом крепкого пятидесятипятилетнего мужика очень остро ощущал единение своё с природой и отрешённость от мира людей. Очень ценил Павел эти ко-

роткие утренние часы и потому поднимался раньше всех на базе, брал заготовленные с вечера снасти, отталкивал лодку от причала и уплывал в утро...

Заканчивалось девятидневное пребывание на базе отдыха. База представляла собой десятка полтора деревянных щитовых домиков, уютно расположившихся на высоком берегу Ахтубы. У спальных домиков притулились небольшие кухоньки, где стояли холодильники, столы и электрические плиты для желающих готовить пищу самим. Для тех, кто не любил или не хотел возиться у плиты, было открыто кафе с достаточно широким выбором блюд. Санузлов в домиках не было, душевые и туалеты располагались в отдельно стоящих зданиях на окраине жилого комплекса. Впрочем, отдыхающих это ни в коей мере не смущало, не за этим они сюда ехали. А зачем?

А затем, что база отдыха «Дельта» на Ахтубе — это рай для рыбаков! Широкая Ахтуба, гордо несущая свои воды, ещё не убитая, не отравленная «царём природы», кишит рыбой. Летом огромные сомы поднимаются из ям к самой поверхности и кувыркаются, высывая из воды голову или хвост. Стаи жереха бьют мелкую рыбёшку утром на стремнине, а днём на перекатах, в глубоких ямах отсиживается лещ, в ериках охотится полосатый окунь, на глубоководье вблизи затопленных деревьев кормится сазан. Судака следует искать среди коряг и топляка, омываемых сильным течением, а зубастая узкомордая щука предпочитает тиховодье на небольшой глубине.

Павел ездил сюда уже много лет подряд, сначала по работе, потом отдыхать. В прошлом году привёз сюда жену и дочь. Ахтуба их так очаровала, что с тех пор его любимые женщины другого отдыха и в других местах просто не представляли.

Днём отправились рыбачить уже втроём. Улов был неплохим, жена поймала килограммового судачка, а дочь вытащила леща килограмма на полтора, остальная рыба была помельче. Уже собирались возвращаться на базу,

но дочь вдруг заявила, что она очень бы хотела откусать на ужин щуку в кляре. Ну что же, сказано — сделано.

Поменяли место, закинули приманку и пошли против течения на малом ходу. Удилище держала жена, Павел направлял лодку и выдерживал скорость. Леска с приманкой тянулась за лодкой, воблер время от времени чиркал по дну. Вы не знаете, что такое воблер? Значит, вы не рыбак. Рассказываю: воблер — это такая деревянная или пластиковая рыбка, очень похожая на настоящую. К брюшку этой рыбки подвешен тройной крючок, похожий, в свою очередь, на маленький якорь. На острие (оно называется жало) каждого крючка сидит зазубрина (бородка), которая не даёт крючку выскользнуть из пасти пойманной рыбы. Таких крючков к воблеру может быть подвешено аж до трёх штук. В этот раз воблер был оснащён двумя тройниками. Думаете — зачем я так подробно рассказываю о крючках? Потом поймёте.

Этот способ ловли хищной рыбы использовали ещё наши деды и прадеды, и в те далёкие времена он назывался очень просто — «дорожка». Современные же рыбаки, предпочитающие японские спиннинги, американские крючки, немецкие катушки и прочие импортные прибабасы, обозвали его наимоднейшим термином — «троллинг». Вот этим иноземным троллингом и ловило сейчас Пашино семейство отечественную щуку.

И вот самый счастливый для каждого рыбака момент наступил — щука схватила приманку. Жена стала быстро крутить катушку, сматывая леску. Вот уже показалась зубастая пасть с застрявшим в ней крючком, щука билась на крючке, пытаясь освободиться. Павел схватил подсак, подскочил к жене, ловко подвёл подсак под бьющуюся рыбину, выхватил её из воды и попытался вытряхнуть в лодку. Но рыба мотала головой так, что свободный тройник запутался в сетке. Пришлось бросить подсак вместе со щукой. Когда рыбина немного утихла, Павел попытался выпутать крючок из сетки. Но тут щука снова забилась, и крючок свободно болтающегося тройника глубоко вошёл в палец.

От неожиданной боли Павел взвыл и непроизвольно резко дёрнул рукой. Стало ещё больнее. Ругая почём зря щуку, крючок и сетку, Павел свободной левой рукой шарил по многочисленным карманам, ища нож, но его, как всегда в нужный момент, на месте не оказалось. Он смутно улавливал, как рядом что-то взволнованно говорила жена, ползая на четвереньках по дну лодки и пытаясь ему помочь, видел испуганные глаза дочери, но всё это было как бы отстранено от него, он не мог на этом сосредоточиться и всё пытался найти нож, чтобы разрезать эту чёртову сетку. Наконец нож был найден именно там, куда он сам его положил, нашлись и пассатижи, которыми из пасти полуобморочной щуки был выдернут крючок, сетку разрезали, леску обрезали, и Павел оказался на свободе с крючком в пальце и воблером в ладони. Держа пойманную на крючок руку на весу и управляясь одной свободной рукой, Павел довёл лодку до базы.

Жена помчалась за аптечкой, дочке был поручен улов, а сам Павел пошёл к домикам за помощью. Первой, кого он встретил, подходя к коттеджам, была местная уборщица, которая, увидев его руку, закатила глаза и попыталась завалиться в обморок, но Павел резко пресёк её порыв, спросив, нет ли у неё кусачек. Кусачек у неё не оказалось, но было очень много нерастраченных эмоций, которые она стала бурно выплёскивать. На эти выплески среагировал начальник базы, как раз проходивший мимо. У него оказались не только кусачки, но и полбутылки водки, пригодившейся в качестве анестезии. После принятия Павлом на грудь стакана водки боль в пальце несколько притупилась. С помощью ещё одного молодого и сильного любителя рыбной ловли крючок был выдавлен из пальца так, что его жало с бородкой вылезло наружу, и бородка была откушена кусачками начальника базы. Крючок выдернули из пальца. Хлынула кровь, и, присутствуя при этой экзекуции уборщица, она непременно бы грохнулась в обморок. Но её, слава Богу, не было, а остальные были людьми видавшими виды и на такие пустяки внимания не обращали. Палец промыли

оставшейся водкой и туго перебинтовали (жена с аптечкой прибежала).

Щуку в кляре всё-таки пожарили. Блюдо получилось отменным — с золотистой хрустящей корочкой и сочным сладким мясом внутри. Вкусно поужинав, Павел даже простил щуке крючок, застрявший в пальце.

На следующий день готовились к отъезду. Собирали вещи, коптили пойманную рыбу, прощались с друзьями.

Выехали пораньше, до жары. С собой везли копчёную и мороженую рыбу, астраханские арбузы, купленные у местных бахчеводов, кучу фотографий, массу впечатлений и медный загар. В дороге поначалу молчали, мыслями оставались ещё там, на базе. Палец уже не болел.

А вкусная всё-таки была щука!

СЛУЧАЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

Едва проснувшись и ещё не открыв глаза, Галина поняла — день не задался. Голова раскалывалась, горло драли разъярённые кошки, нос категорически отказывался дышать. Хотелось закутаться в одеяло и спать, спать, спать... Но день был рабочим, хотя и предпраздничным, коротким, но всё же рабочим. Надо было вставать. Вспомнив незабвенного барона Мюнхгаузена, Галина буквально выдернула себя из постели, заставила проделать обязательные утренние процедуры, глотнула кофе и вышла из дома. На улице настроение у неё окончательно упало. На календаре было 31 декабря, а на дворе стоял самый настоящий махровый ноябрь. Вместо рассыпчатого поскрипывающего снежка под ногами чавкала стылая грязь, вольно разлившиеся лужи норовили захлестнуть ботинки холодной водой, в воздухе висела тяжёлая, густая, серая хмарь.

До работы Галина всегда ходила пешком. Для неё это было утренней зарядкой, к тому же она очень не любила ездить в общественном транспорте в часы пик — мало того, что негатива наберёшься, ещё и вывалишься на

остановке с оторванными пуговицами. Утренняя прогулка бодрила её, настраивала на рабочий лад. Она любила смотреть, как просыпается город, как светлеет дымка над речным островком, летом — сине-серо-зеленоватая, зимой — серовато-белая, любила дышать свежим утренним воздухом, ещё не насыщенным выхлопными газами, любила скрип снега под ногами зимой, шуршание опавших листьев осенью и бодрящий утренний холодок летом.

Но сегодня ничто её не радовало. Она шла и злилась на грязь под ногами, унылую погоду, болезнь, совсем не вовремя к ней подступившую. Но болезнь — болезнью, погода — погодой, а Новый год никто не отменял, поэтому в сумке у Галины лежали новогодние подарки, предназначенные для сотрудниц её отдела. На самом верху, на подарочных коробках, лежала завёрнутая в нарядную блестящую бумагу шоколадная обезьянка — символ наступающего года, и Галине очень хотелось донести её в целости.

Проходя мимо продовольственного магазина, Галина увидела стоящего на краю тротуара пьяного мужика, который покачивался и что-то мычал себе под нос.

Галина пьяниц не любила. Из-за пьянства она рассталась с мужем. Муж Галины был человеком неплохим, добрым, образованным, начитанным. Увлекался русской литературой и историей, хорошо играл на фортепиано, помогал Галине по хозяйству, любил её и двух дочек до тех пор, пока не начал пить. А пить начал от доброты душевной — не мог обидеть человека, желавшего с ним выпить, отказом. Сначала Галина боролась. Она несколько раз кодировала мужа, покупала какие-то лекарства, разговаривала по душам, устраивала скандалы. Но он, обещая «завязать», спивался всё больше, начал потаскивать у неё из карманов деньги, пропивать вещи. А дочери тем временем подрастали, их надо было кормить, одевать, учить, и Галина решила. Она забрала детей и уехала к матери, устроилась на работу, дочери стали учиться в медицинском колледже. Зарабатывала Галина не очень

много, но была женщиной рукодельной: хорошо шила и вязала, умела вышивать, могла постричь, сделать причёску и массаж. У матери был собственный дом, они сажали овощи и зелень, делали заготовки на зиму. Жили неплохо. Зла на мужа она не держала, но какая-то обида в душе осталась.

Проходя мимо пьяного, Галина брезгливо отвернулась, а пройдя несколько шагов, обнаружила, что он идёт за ней, пристроившись сзади, и что-то бурчит. В первую очередь Галина подумала об обезьянке: если пьяницу качнёт в её сторону, он может навалиться на сумку и раздавить шоколадную фигурку. О том, что у мужика могут возникнуть криминальные мысли в отношении неё, Галина даже не подумала. Она перехватила сумку левой рукой и почти тотчас почувствовала, как сумку рванули сзади.

Через секунду пьяный мужик понял, что день не задался именно у него. Галина когда-то занималась на курсах самообороны. Дело было давнее, но кое-какие навыки остались. Левая рука крепко держала ремешок сумки, а правая сама стала сгибаться в локте и уходить назад, пальцы самопроизвольно сжались в кулак, кулак развернулся косточками вверх и вперёд, одновременно повернулся корпус, Галина оказалась лицом к противнику, рука резко распрямилась, и мужик получил прямой удар в глаз. Удар был сильным, но пьяница удержался на ногах и не отпустил сумку. Галина стала «заводиться», второй удар она нанесла уже осознанно, но детина снова устоял. Краем глаза Галина видела, что от автобусной остановки ей на помощь бежит молодой человек, но шанса проявить благородство она ему не дала. В третий удар она вложила всю душившую её с утра злость — на болевшую голову, заложенный нос, саднящее горло, грязь под ногами и хмарь в воздухе — и всю свою обиду на мужа-пьяницу, сохранившуюся где-то в самом дальнем уголке её души. Третьего удара мужик не выдержал. Он плашмя, всем телом и лицом, плюхнулся в широкую грязную лужу, до которой как раз добежал молодой па-

рень, спешивший на помощь Галине. Тот застыл в изумлении. Галина, перешагнув через поверженного врага, презрительно бросила: «Фу, пьяная морда!» — и гордо прошествовала мимо опешившего парня.

От возбуждения её трясло. Немного успокоившись, Галина поняла всю комичность ситуации и захохотала так, что на неё стали оглядываться прохожие. А она шла и гордилась собой — вот она какая: умница, красавица, рукодельница и постоять за себя может! И удивительно: голова у неё перестала болеть, нос нормально задышал, а про болевшее горло она и не вспомнила. И самое главное — обезьянка совсем не пострадала!

Придя на работу, Галина, конечно же, рассказала всё женщинам в отделе, те охали, ахали, удивлялись. Потом кто-то из них поведал о происшествии сотрудникам других отделов, и те пришли послушать её рассказ во всех подробностях. Галина была главным действующим лицом этого дня.

Наконец предпраздничный рабочий день закончился. Были розданы все подарки, выпито шампанское — непременный атрибут праздника, съедены шоколадные конфеты, все пожелали друг другу счастливого Нового года и поспешили по домам готовить новогодние столы.

Галина приехала домой и снова повторила свой рассказ уже для домашних. Мама, слушая её, пугалась задним числом, а дочери гордились своей маман. Потом начались предновогодние хлопоты — сервировался праздничный стол, резались салаты, ставилась в духовку курица.

Новый год встречали вдвоём с мамой, дочки ушли праздновать к друзьям. Под утро они вернулись с кавалерами, принесли огромный торт, и все сели пить чай. После чая кавалеров отправили по домам и наконец улеглись спать.

На следующий день у Галины поднялась температура, и она заболела гриппом.

СТРАДАЛЬЦЫ

Николай повредил колено. И так глупо всё случилось: выпил с мужиками, и решили мяч погонять на пустыре за гаражами. Пустырь-то был родной, утопанный, годами проверенный, откуда там взялся камень, так никто и не понял. Николай в пылу схватки зацепился за чью-то ногу и, падая на землю, приземлился коленом аккуратно на этот самый булыжник. От дикой боли взвыл так, что даже те, кто «усугубил» чуть больше положенного, мгновенно протрезвели. Мужики немедленно вызвали скорую, и Николай оказался на больничной койке. Как он попал в больницу и что с ним там делали, Николай помнил смутно, пока везли, не давало сосредоточиться больное колено, а потом, получив хорошие дозы обезболивающего и снотворного, он провалился в глубокий сон.

Пришёл в себя уже утром. Туго забинтованное колено болело, но было терпимо. Больница уже проснулась. За дверями палаты слышались чьи-то голоса, шаги, что-то уронили, и это что-то, дребезжа, катилось по полу. Николай огляделся. Палата была совсем махонькой, в ней с трудом умещались три кровати с тумбочками, одинокий обшарпанный стул, да у самой двери притулилась маленькая раковина с умывальником.

Койку слева от Николая занимал тщедушный молодой человек с прыщавым и каким-то синевато-серым лицом, и звали его Витьком. Николай сразу окрестил его «наркошей» и, оказалось, не ошибся. Парень и вправду кроме обычной водочки принимал (когда финансы позволяли) ещё и «колёса». Вот так однажды проглотил «колёсико» и вышел погулять из окна четвёртого этажа. Прогулка, надо признать, обошлась без тяжёлых последствий, три сломанных ребра — это ещё не смертельно. Алкоголика со стажем в Витьке выдавали суетливые движения и лихорадочно-голодный блеск в глазах. Казалось, что он постоянно вынюхивает своим длинным носом, где бы выпить.

Хозяин кровати справа лежал со сломанной ногой на вытяжке и был полной противоположностью Витьку. Это был дородный мужчина с повадками барина, обладатель роскошной, тёмной, чуть седеющей шевелюры, бархатного голоса и масляных глазок. Он был страстным поклонником женского пола и никогда не упускал случая приблизившуюся к его кровати особу прекрасной половины человечества, будь она врачом, медсестрой или крепкой средних лет нянечкой, подержать за локоток, погладить по колену, а то и задержать свою руку чуть ниже спины прекрасной дамы. Укоризненные взгляды на него не действовали, на хлопки по рукам он не обижался и осыпал комплиментами любую вошедшую в палату женщину. Звали ловеласа Вениамином Сергеевичем, и Николай окрестил его «бабником». Оказалось, что «бабник» не только бабник, но и не дурак выпить, собственно, поэтому он и оказался в таком положении: пил с соседом, по какому поводу, он уже и не помнил, на глаза попался соседский парнишка с велосипедом. Вениамин Сергеевич решил «вспомнить молодость» и «показать пацану класс», совершенно забыв о том, что садился в седло велосипеда совсем «недавно», всего каких-нибудь сорок лет назад. Железный конь взбрыкнул, и «ездок», вылетев из седла, неудачно приземлился. В результате — перелом голени, да не простой, а оскольчатый и со смещением.

В общем и целом соседи Николаю достались интересные, с ними не заскучаешь. Вот Николай и развлекался тем, что наблюдал за ними. Ну а каков он сам-то — наш главный герой? Что можно сказать о нём? Только самое положительное. Николай — здоровый сорокалетний мужик, неглупый, начитанный, хороший производственник и семьянин. Так и хочется добавить: морально устойчив и связей, порочащих его, не имеет. Смешно? А ведь именно так всё и обстояло. Работал Николай слесарем на заводе, был классным специалистом, начальство его уважало, а окружающие любили за добродушный покладистый нрав. Пил Николай редко и помалу, лишнего никог-

да не употреблял. Любил попариться в русской баньке с берёзовым веничком да иногда погонять мяч на пустыре с мужиками (об этом мы уже знаем). Семья — горячо любимая жена Зинуля и не менее любимый одиннадцатилетний сын Виталик, отличник и спортсмен, что, согласитесь, редко сочетается в молодом человеке, особенно в наше время. Супруга Николая была учительницей младших классов, и все окружающие называли её не иначе, как Зинаида Васильевна. Характер она имела настоящий «педагогический», везде, где бы Зинуля ни появлялась, она наводила свои порядки и быстро заставляла окружающих плясать под её дудку. Николай иногда ловил себя на желании встать перед ней по стойке смирно, вытянув руки по швам, и громко звонким голосом отвечать на её вопросы.

Ну вот, теперь мы кое-что узнали о трёх страдальцах, собравшихся волей случая и своих привычек в одной больничной палате.

Как вы думаете, что является главной составляющей больничной жизни? Не знаете? Я подскажу — ожидание. Да, да, именно ожидание — ожидание утреннего врачебного обхода, ожидание операций, процедур, уколов, таблеток. Но самое главное ожидание — это ожидание посещения страдальцев родственниками и друзьями. Без этого больничная жизнь, и так не очень весёлая, была бы совсем унылой.

Витька-«наркошу» посещала мамаша — тощая, маленького роста, суетливая женщина с острым носиком и когда-то окрашенными в блондинистый цвет тонкими волосами, отросшими и тёмными у корней. Мамаша приходила ежедневно, обычно долго не задерживалась и частенько приносила «лекарство для своего мальчика» — четвертинку водки с немудрящей закуской — чёрным хлебом, куском сала или дешёвой колбасы, а также «витамины» — головку лука или чеснока.

Вениамина Сергеевича посещали жена с дочерью, сосед, с которым пострадавший так неудачно выпил, и «подруги» — жертвы его неотразимого обаяния. Посе-

щения жены и дочери были редкими и неинтересными. Они дежурно целовали Вениамина Сергеевича в щёку, так же без интереса интересовались его самочувствием и, посидев немного, торопились уйти. Приносили они ему смену белья, какой-нибудь журнал с кроссвордом и кефир. «Подруги» же, их было две, при всей непохожести своей по росту, цвету волос и фигурам, одинаково трепетно ухаживали за Вениамином Сергеевичем. Каждая из них приходила в строго определённые дни и никогда не появлялась в палате вне «графика». Они приносили всякие вкусности: домашние котлетки с картошечкой, солёные хрустящие огурчики, жареную рыбку и румяные пирожки, испечённые с большой любовью (можно даже сказать — с благоговением). Вечером после работы заглядывал сосед-собутыльник — крупный шумный мужчина с грубым, резко вырубленным лицом и большими натруженными руками. Голос у него был как иерихонская труба, и этим трубным голосом он рассказывал Вениамину последние дворовые новости и делился своим мнением относительно Вениаминовых ближайших родственниц и «подруг». После первого же посещения соседом их палаты Николай был в курсе всех семейных проблем Вениамина Сергеевича и его любовных похождений.

Сосед приходил не просто так, он был «третьим». При его появлении Витёк и Вениамин Сергеевич оживлялись, тут же быстренько накрывалась «поляна» на одиноком стуле, придвинутом к кровати Вениамина. И начиналось священнодействие: водка разливалась по пластиковым стаканчикам, произносился первый тост (обязательно за здоровье страдальцев, попавших в эту палату), хрустел солёный огурчик, вкусно пахли домашние котлетки или жареная рыбка, и, наконец, все эти вкусные запахи перекрывал резкий запах чеснока. Когда водка заканчивалась, всё мгновенно убиралось, открывалось окно, палата проветривалась. Пустую бутылку сосед уносил с собой, завернув в пакет. Через полчаса уже ничего не напоминало о том, что в палате недавно пировали. Витёк и

Вениамин с мечтательно-умиротворёнными физиономиями полёживали на своих кроватях. Поначалу Николаю тоже было предложено поучаствовать в пиршестве, но он, ссылаясь на проблемы со здоровьем, отказался. Мужики оказались понятливые и больше его по этому поводу не беспокоили.

Николая каждый день навещала Зинуля, в перерывах между учёбой и тренировками забегал Виталик похвастаться своими успехами и рассказать школьные новости. Каждый вечер заходили заводские, то один, то другой, рассказывали, что в цеху без Николая стало как-то не так, даже начальство это заметило, а потому все ждут его скорейшего выздоровления. Николай слушал, кивал, выражал недоверие словам друзей, но про себя радовался и гордился своей необычностью и незаменимостью (зря говорить не будут!).

Приход Зинули был подобен порыву грозового ветра. Поцеловав Николая, она с ходу пихала ему в руки контейнер с домашней «вкуснятинкой», а сама тут же начинала наводить порядок на тумбочке и внутри неё. После тумбочки Николая она принималась наводить порядок в тумбочках его соседей. Когда это случилось в первый раз, мужики попробовали было возражать, но, встретившись с Зинулиным взглядом, предпочли промолчать. Закончив упражнения с тумбочками, неуёмная Зинуля откуда-то притаскивала ведро с водой и швабру и драила пол. Когда маленькая палата начинала сверкать, Зинуля утаскивала всё обратно, мыла руки, садилась рядом с Николаем и с умилением наблюдала, с каким аппетитом тот поглощает её стряпню. Пока Николай ел, она рассказывала ему всё, что случилось в этот день в школе, где она работала, в классе, где учился Виталик, у друзей, у соседей (ох и любят же педагоги поговорить!). Николай кивал, не забывая тщательно пережёвывать пищу, как учила его всё та же Зинуля (вкусно она всё-таки готовит!).

Прошло несколько дней. Палата жила размеренной больничной жизнью. Пострадавших от не совсем трез-

вой жизни лечили как положено. Они принимали процедуры, уколы в мягкие ткани ягодицы, таблетки.

Подошёл день, на который была назначена операция Вениамину Сергеевичу.

Во второй половине дня пришла медсестра и поставила ему капельницу с каким-то лекарством. Лекарство еле-еле по капельке через трубочку, иглу и вену сочилось в многострадальный организм любителя удовольствий. За час бутылка с лекарством опустела только наполовину. Это была катастрофа. С минуты на минуту должен был прийти сосед, заветная бутылочка уже стояла наготове, закуска была разложена на одноразовых тарелочках, а бутылка с лекарством и не думала заканчиваться. Тогда Витёк, недолго думая, отвернул краник капельницы так, что лекарство весёлым ручейком побежало в вены Вениамина Сергеевича. Бутылка быстро опустела. Витёк позвал медсестру, но та, убрав пустую бутылку, тут же поставила новую. Идя по проторенному пути, Витёк снова произвёл манипуляции с краником капельницы. Лекарство заструилось по трубочке и по венам, и тут Вениамина Сергеевича стало «колбасить». Он содрогался в конвульсиях так, что кровать ходила ходуном, а его уже неподвластное разуму тело грозило свалиться с кровати. Витёк с выпученными от ужаса глазами и диким криком: «Сестра, он танцует!» — выбежал в коридор. Задремавший было Николай подскочил на кровати. Тут же в палату ворвались дежурный врач и медсестра. Они мгновенно отсоединили капельницу и, выкатив кровать в коридор, повезли Вениамина Сергеевича в реанимацию, благо она находилась на этом же этаже. Когда его привезли обратно, он спал сном младенца, улыбаясь и причмокивая во сне. Операцию пришлось отложить. А сосед так и не появился, как потом оказалось, ушёл в запой. Витёк так испугался, что забыл и про водку, и про закуску, Николай ещё долго слышал, как у него стучали зубы. Правда, на следующий день временная амнезия у Витька прошла, он с большим удовольствием съел закуску на завтрак, а бутылку спрятал под подушку.

Витька вскоре выписали, и Николай его больше никогда не видел.

Операцию Вениамину Сергеевичу всё же сделали. Едва отойдя от наркоза, он решил сходить в туалет. Отговорить его Николай не смог, очень уж хотелось тому почувствовать твёрдый пол, хотя бы под одной ногой. Опираясь на костыли, он поковылял в конец коридора. Не было его долго. А когда он появился снова, теперь уже на инвалидной коляске, которую везла медсестра, на второй, только что бывшей здоровой, ноге красовался свежий гипс.

Что там было дальше с Вениамином Сергеевичем, Николай не узнал потому, что его в этот день выписывали и за ним уже приехали друзья во главе с любящей Зинулей. Он попрощался с любителем женщин и велосипедов и пожелал ему скорейшего выздоровления и решения всех его нерешённых проблем.

На следующий день Николай, опираясь на костыли, сопровождаемый верной Зинулей, потопал на приём к хирургу в поликлинику. Идти было недалеко, но с непривычки Николай очень устал и, расположившись перед кабинетом врача, с удовольствием расслабился. Народу было много, но, благодаря энергичным действиям Зинули, которая быстро навела порядок в очереди, просидели они недолго, всего каких-нибудь сорок минут. Войдя в кабинет, Николай увидел улыбающегося старичка с седым венчиком волос вокруг жизнерадостной розовой лысины. Старичок быстро пробежал глазами выписной эпикриз, написал направление на снимок и отправил Николая в рентгеновский кабинет. Дохромав до него и опять же отстояв очередь, Николай наконец-то попал внутрь. Когда он начал заворачивать штанину, женщина-врач с интересом на него посмотрела и спросила, зачем он это делает. Николай ответил, что иначе снимок, на верное, не получится.

— Не получится снимок чего? — поинтересовалась врач.

— Колена, — ответил Николай.

Женщина подала Николаю листок с направлением, где было написано, что ему необходимо сделать снимок не колена, а почему-то стопы (Николай потом долго ломал голову над вопросом, почему именно стопы, а не какой-либо ещё части его пострадавшей ноги). Из лаборатории он вышел растерянный с задранной штаниной и листком в руке, молча подал листок Зинуле. Та прочла, так же молча развернулась и энергично постучала каблучками в сторону кабинета хирурга.

«Ой, что сейчас будет!» — подумал Николай.

Через минуту по коридору военным линкором, рассекая, как волны, встречных, нёсся розоволысый старичок. Заскочив в лабораторию, он сунул в руки врача новое направление, на выходе буркнул Николаю:

— Заходите, — и, опасливо обойдя Зинулю, двинулся к своему кабинету.

Через некоторое время едва просохший снимок Николай уже показывал хирургу. Тот сказал, что выздоровление идёт своим чередом, порекомендовал продолжать назначенные процедуры и гулять на свежем воздухе для укрепления иммунитета.

Выполняя рекомендации доктора, Николай каждый день гулял по дорожке, что вела от его дома к поликлинике. Однажды он увидел знакомую лысину в обрамлении седых волос, несущуюся ему навстречу. Старичок тоже его узнал, поднял руку в знак приветствия и прокричал на ходу:

— Здравствуйте, Семёнов, как ваша рука?

Николай с недоумением посмотрел поочерёдно на свои руки, сжимающие костыли.

— Какая рука? При чём здесь рука?

Но жизнерадостный старичок уже свернул за угол. И только лужа, в которую он наступил, недовольно морщилась. На ней расходились кругами малюсенькие волны.

«Как сигналы SOS в эфире», — подумал Николай и похромал дальше.

ЮБИЛЕЙ

Илья Вячеславович проснулся рано. Любопытное солнце заглядывало в окошко, день опять обещал быть жарким. Илья сладко потянулся, прогоняя остатки сна, и вдруг подскочил на кровати — ведь у него же сегодня день рождения! И не просто день рождения, у него сегодня — ЮБИЛЕЙ! Новорождённый юбиляр умылся, легко позавтракал — есть совсем не хотелось — и решил окунуться в бассейне.

Надо сказать, что Илья Вячеславович проживал с родителями в собственном небольшом аккуратном двухэтажном домике. За домом находился огород с тепличкой, где зрели помидоры, перцы и баклажаны. Тепличку окружали грядки с зеленью и овощами. Было и несколько плодовых деревьев. Огородом заведовал отец Ильи — человек с золотыми руками и большой любовью к земле. Перед домом был разбит цветник, стояли спортивные снаряды и располагался большой круглый бассейн — предмет летнего обожания, он спасал всю семью от перегрева в самые жаркие дни. Рядом с бассейном находился хлоратор — установка для очищения воды. Благодаря ему вода в бассейне всё лето была чистой и чуть солоноватой на вкус.

Илья Вячеславович ещё блаженствовал в бассейне, когда приехала его двоюродная сестра Таисия Андреевна — своенравная девица, обладательница роскошных длинных вьющихся волос. Таисия была на год старше Ильи и по этой причине позволяла себе поучать его в житейских вопросах. Илья обычно начинал злиться, и они ссорились, но тут же мирились. Эта парочка жить не могла друг без друга, но ни одна из их встреч не обошлась без ссор и примирений.

Итак, Таисия Андреевна собственной персоной появилась во дворе. Илья быстро выскочил из бассейна и побежал переодеваться. Сегодня у них с Таисией была запланирована поездка — куда бы вы думали? В зоопарк.

Ну да, в зоопарк, а чему вы удивляетесь? Оба очень любили животных, оба считали, что общение с братьями нашими меньшими зарядит их позитивом на весь день. Тем более что зоопарк располагался совсем неподалёку, всего в полчаса езды на автомобиле.

И вскоре они уже плавно катили по шоссе, любуясь утопающими в зелени и цветах придорожными деревьями.

Погладив пушистые шерстяные мордочки и почувствовав прикосновение к своим ладоням тёплых и мягких губ, осторожно берущих угощение, Илья и Таисия вернулись домой. До приезда остальных гостей ещё было время, и они плюхнулись в бассейн.

Начали съезжаться гости. На празднование были приглашены только «свои». Приехали две тётушки и две бабушки Ильи, ещё одна двоюродная сестра Дарина, милая, всегда и всем застенчиво улыбающаяся особа, года на три с половиной моложе Ильи, крёстный Ильи с женой и семейная пара, друзья дома с дочерью Алисой — симпатичной голубоглазой блондинкой чуть старше Дарины.

Как только прекратились взаимные приветствия, поздравления Ильи Вячеславовича с юбилеем, родителей его — с рождением сына, вручение подарков и поцелуи, матушка Ильи — большая затейница и выдумщица — объявила гостям, что их всех ждёт сюрприз. Она предложила всем прибывшим во главе с именинником отправиться на поиски пиратского клада, сверяясь со старинной картой, найденной в пузатой бутылке из-под рома. Конечно, все с восторгом согласились. Был роздан реквизит: кому-то досталась пиратская шляпа, кому-то — чёрная повязка на глаз, кто-то облачился в тельняшку, а кто-то размахивал «настоящим» кривым пиратским ятаганом. После преодоления различных препятствий и испытаний клад был найден. Им оказался «пиратский» сундучок, наполненный мелкими сувенирами для гостей. Гости с шумом и смехом рассматривали «сокровища».

Затем их пригласили за стол. Стол был накрыт за домом в тенёчке под старой вишней. Шашлыком озаботился отец Ильи — пока гости искали пиратский клад, их ноздри щекотал восхитительный запах, долетавший от мангала вместе с дымком. В коптильне томилась доведённая до цвета красной меди рыба, выловленная всё тем же отцом Ильи Вячеславовича в ближайшей речке. Кроме этих ароматных блюд на стол были выставлены закуски, состряпанные руками матушки Ильи, а также дары огорода: красные и жёлтые помидорчики, сладкий перец, свежие огурчики прямо с грядки и клубника. По случаю жары спиртное на столе отсутствовало, зато был холодный квас и вишнёвый компот собственного изготовления, минеральная вода и апельсиновый сок. Правда, кто-то из гостей всё же привёз с собой бутылку лёгкого токайского вина. Мужчины гордо отказались его пить, а дамы с удовольствием выпили «почуть-чуть». Застолье началось с тостов в честь Ильи Вячеславовича и его родителей, их дружно поздравляли, желали здоровья и всего, что в таких случаях желается. Потом общество разделилось на группы — молодёжь переместилась к бассейну, оттуда слышались смех, крики и плеск воды. Старшее поколение отправилось на экскурсию по огороду, потекли разговоры о видах на урожай и преимуществе выращивания овощей в теплицах. Было уделено время и распаковыванию и разглядыванию подарков и даже, несмотря на жару, подвижным играм. Время от времени то одна, то другая группа гостей оказывалась в бассейне, который в этот день по праву делил внимание всех присутствующих с именинником.

Ближе к вечеру гостей пригласили на чаепитие. На середину стола был водружён огромный торт в виде парусника — настоящее произведение искусства, — изготовленный руками матушки Ильи Вячеславовича, великой кулинарки. Торт вызвал бурю восторгов, оказавшись не только красивым, но и очень вкусным. По чашкам был разлит душистый чай, любителям кофе

заварили сей божественный напиток, и празднование юбилея пошло на новый виток. Молодёжь снова убежала к бассейну, старшие остались за столом, ведя нескончаемые разговоры, теперь о летнем отдыхе в разных странах.

Праздник подходил к концу. Гости стали разъезжаться. После их отъезда Илья с родителями на скорую руку навели порядок и с сознанием выполненного важного дела и огромным облегчением от того, что дело это было выполнено наилучшим образом, погрузились в бассейн, смывая с себя эмоциональное напряжение этого хлопотного дня. Выйдя из бассейна, Илья почувствовал такую усталость, что с трудом добрался до кровати.

«Юбилей, да... Что ж, пять лет — это вам не шуточка...» — думал Илья Вячеславович, засыпая в своей кровати в окружении подаренных ему игрушек.

Содержание

Книга 1.

Зоя Виграк-Шурер

ДНЕВНИК ИНСТИТУТКИ. XIX ВЕК 3

Книга 2.

Арсений Кручинин

ПРОСТРАНСТВА 42

Книга 3.

Светлана Лобова

МОЛЕКУЛЫ ЛЮБВИ 80

Книга 4.

Галина Самусенко

МАЛЕНЬКИЕ ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. 121

СЕРЕБРЯНЫЙ КВАРТЕТ – 2

Сборник рассказов и стихотворений

Редактор:
С.С. Антипов

Составитель:
Д.В. Минаев

Дизайн обложки:
К.Б. Орлов

Корректор:
А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:
А.А. Минаева

Подписано в печать 09.02.2017
Формат 60x84/16. Бум. офс. №1. Печать цифровая.
Гарнитура Baltica. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва,
Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 30
www.t8print.ru

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

www.tvoyakniga.ru

ISBN 978-5-906926-06-7

9 785906 926067